

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНТЕРНЕТ-ДАЙДЖЕСТ

ТЕЛЕСКОП

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКОНОМИСТЫ О РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

ВЫПУСК №1

2018

Оглавление

<i>О проекте</i>	3
<i>Модернизация и технологическая политика</i>	5
<i>Карстен Херрманн-Пиллат</i> <i>Блокада модернизации. Утопические революции собственности в России, 1917–2017.</i>	5
<i>Инновационно-технологическая политика России. Реферативный обзор немецкоязычных источников</i>	25
<i>Харли Балзер, Джон Асконас</i> <i>Инновации в России и Китае. Сравнение.</i> .	30
<i>Россия под экономическими санкциями</i>	47
<i>Юлиан Купер</i> <i>Российская экономика: влияние санкций и падающих цен на нефть, перспективы будущего роста</i>	47
<i>Пами Альто, Томас Форсберг</i> <i>Структурирование российской геэкономике под влиянием экономических санкций</i>	55
<i>Александр Либман</i> <i>Стагнирующие российско-германские экономические отношения</i>	96

О проекте

Институт экономики РАН начинает новый проект: «Интернет-дайджест «Телескоп». Зарубежные экономисты о российской экономике». Цель проекта – ознакомление российского читателя с публикациями по российской экономической проблематике ученых и экспертов, как иностранных, так и работающих за рубежом российских, посредством перевода соответствующих текстов на русский. Таким образом возникает возможность оценить и, в свою очередь, критически проанализировать «взгляд со стороны». Выполненный на профессиональном уровне перевод даже имеющихся в открытом доступе текстов на английском языке позволит, как представляется, намного полнее раскрыть идеи и послания авторов. Кроме того, многие тексты, прежде всего, на немецком языке, недоступны для Интернет-пользователей и могут быть получены непосредственно от авторов лишь благодаря профессиональным контактам сотрудников ИЭ РАН.

Разумеется, взгляды авторов публикуемых материалов могут не только не совпадать с научной позицией многих российских ученых, но и в чем-то противоречить ей, тем более в переживаемый нами период весьма жесткой политической конфронтации. Но эти несовпадения и противоречия мы рассматриваем как повод для содержательной научной дискуссии. Научные и аналитические статьи для перевода и публикации отбираются, прежде всего, по тематическим признакам. В первом выпуске обозначены две темы:

- модернизация и технологическая политика;
- Россия под экономическими санкциями.

Мы планируем и в дальнейшем освещать по две темы в каждом выпуске, публикуя подборки по две–три статьи по каждой из них.

Непосредственно над проектом работают два сотрудника ИЭ:

Леонид Иванович Цедилин, ведущий научный сотрудник, к.э.н. – автор идеи и руководитель проекта, главный редактор издания (поддержание контактов с зарубежным научным сообществом, поиск и перевод немецкоязычных текстов, редактирование переводов);

Артем Александрович Яковлев, младший научный сотрудник – ответственный секретарь издания (поддержание контактов с российскими коллегами, оформление проекта, поиск и перевод англоязычных текстов).

Предлагаемый вниманию читателей Интернет-дайджест предназначен для самой широкой, а не только узкопрофессиональной, аудитории. И мы были бы рады получить отклики не только коллег по цеху, но и просто заинтересованных людей.

Контакты:

Email: telescop.inecon@yandex.ru

Первый заместитель директора Института экономики РАН,
член-корреспондент РАН, д.э.н.

М.Ю. Головнин

Модернизация и технологическая политика

Carsten Herrmann-Pillath (1959), Prof. Dr., Volkswirt und Sinologe, Max Weber Kolleg für kultur- und sozialwissenschaftliche Studien, Universität Erfurt

Modernisierungsblockaden Utopische Eigentumsrevolutionen in Russland, 1917–2017

OSTEUROPA, 68. Jg., 6–8/2017, S. 133–143

Перевод с немецкого

Карстен Херрманн Пиллат

Профессор, д-р экономики и синологии.

Образовательно-исследовательский центр культурологических и социальных исследований им. Макса Вебера при Университете Эрфурта.

Блокада модернизации. Утопические революции собственности в России, 1917–2017

Сто лет спустя после Русской революции мы наблюдаем множество примеров непрерывности истории царской империи и Советского Союза. И лишь в системе отношений собственности огосударствление, как казалось, привело к разрыву с прошлым. Однако при более внимательном рассмотрении и здесь видится преемственность: со времен Екатерины II государство производит радикальные изменения порядка собственности – будь то огосударствление или приватизация – ради подталкивания модернизации. Однако в долгосрочном плане цель никогда не достигалась. Преодолению отставания всегда препятствовали слабости государства. В царской империи государство не могло «пробить» инфраструктурные проекты из-за абсолютных прав

собственности дворянства, а в Советском Союзе плановое управление экономикой осталось утопичным. Также утопичным было представление о возможности добиться модернизационного сдвига посредством приватизации в 1990-х гг. Возник неопатримониальный порядок, при котором авторитарное государство вновь имеет доступ к собственности, однако использует нефтяную ренту, прежде всего, для поддержки непроизводительных отраслей.

Большевицкую революцию в России большинство современников считали самой радикальной трансформацией общества и экономики, которая когда-либо происходила в истории. Центральную роль при такой оценке играет революционное низвержение порядка собственности. В настоящее время, однако, нередко подчеркивается, что существует множество случаев преемственности между царской империей и созданной после революции империей советской. Однако оценки такого рода распространяются в большей части на политическое и культурное измерения, в особенности в том, что касается имперского характера внешней и внутренней политики Российской империи и Советского Союза, и значительно в меньшей степени – на экономические институты, такие как отношения собственности¹.

Однако в экономическом отношении преемственность бросается в глаза уже при поверхностном рассмотрении: Россия вновь и вновь конфронтирует с вызовами экономического отставания от Запада, с начала XX в. – также от Японии, а теперь и от Китая.

¹ См.: Обзор *Mikhail Maslovskiy: The Imperial Dimension of Russian Modernisation: A Multiple Modernities Perspective*, in: *Europe-Asia Studies*, 1/2016, S. 20–37.

Стремление избежать отставания с помощью революционного прорыва объясняет многие сходства экономических институтов, а также и хозяйственной политики на протяжении столетий². В настоящей статье я отстаиваю тезис, что именно собственность является тем институтом, который позволяет вскрыть преюмственность политических или, в узком смысле, государственных институций России, которые порождаются вызовами хронической отсталости. Такой подход предполагает сугубо относительную значимость революционных преобразований, будь то революция 1917 г. или политика радикальной приватизации после крушения Советского Союза³. Чтобы увидеть это, необходимо избавиться от заикленности на противопоставлении частной, государственной или коллективной форм собственности и рассматривать порядок собственности как таковой. Тогда находит свое проявление константа российской истории со времен реформ Екатерины Великой: государство рассматривает порядок собственности – вне зависимости от его конкретного оформления – как главный параметр общественной трансформации.

Эти идеи относительно собственности всегда носили утопический характер в смысле Карла Поляни: явно или неявно они находились в противоречии к существующей структуре общества и

² См.: *Vladimir Mau, Tatiana Dobryshevskaya: Modernization and the Russian Economy: Three Hundred Years of Catching Up*, in: Michael V. Alexeev, Shlomo Weber (Hg.): *The Oxford Handbook of the Russian Economy*. New York 2013, S. 29–50.

³ Моя аргументация близка идейному направлению, которое обосновала Тэда Скочпол, и которое отсылает (частично) к автономной роли государства и его организационных форм в период революционных катаклизмов: *Theda Skocpol: States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge 1979. Подробно о центральной роли „state building“ применительно к Китаю см.: *Carsten Herrmann-Pillath: China's Economic Culture: The Ritual Order of State and Markets*. Abingdon, New York 2017.

его институтам. Вопреки тому – или как раз поэтому – при претворении этих идей в жизнь эти структуры и институты оказывали большое влияние на результаты⁴. Это имело своим следствием более или менее спонтанное возникновение общественных порядков и формаций, которые в такой форме и не планировались. И это давало повод для новых революционных интервенций, которые опять-таки имели целью быструю экономическую модернизацию.

Существенный аспект такой исторической преемственности заключается, таким образом, в том, что развитие осуществлялось как бы рывками через выдвижение «встречных» утопий (*Gegenutopien*). Последние вдохновляли государство на авторитарные попытки модернизации экономики и общества в целом. Введение при Екатерине II порядка частной собственности надолго затормозило именно экономическую модернизацию через индустриализацию, которая и была целью преобразований. «Встречная» коммунистическая утопия коллективизации и огосударствления призвана была радикальным образом устранить эти препятствия и облегчить форсированную индустриализацию при Сталине. Однако в долгосрочном плане она воспроизводила социоэкономические структуры, разрушавшие способность государства к управлению и содействующие лишь нарастанию отставания Советского Союза от Запада. Затем, в начале 1990-х гг., последовала очередная «встречная»

⁴ *Karl Polanyi: The Great Transformation: The political and economic origins of our time.* Beacon, Boston 2001 [Первое издание - 1944]. Колев и Цвайнерт, на мой взгляд, справедливо отмечают, что и при рассмотрении социалистических экономических трансформаций применим подход Поляни, равно как и в отношении некоторых других схожих структурных преобразований. (*Stefan Kolev, Joachim Zweynert: Transformationsökonomische Ansätze*, in: Raj Kollmorgen, Wolfgang Merkel, Joachim Wagener (Hg.): *Handbuch Transformationsforschung.* Wiesbaden. 2015, S. 151–160).

утопия – вновь радикальное насаждение государством порядка частной собственности в качестве ключевого элемента обновленной модернизационной инициативы. В результате возникло нечто более чем противоположное задуманному: авторитарная неприкасаемая олигархия, система, которая часто обозначается термином «государственный капитализм». А экономический рост России зависит от нефтегазовой капельницы, инновационная динамика остается незначительной.

Революция порядка собственности 1917 г.

Когда пытаются восстановить соединительные линии между большевистской революцией и порядком собственности царской России, то в большинстве случаев традиционный аграрный уклад интерпретируют как предшественника институций коллективной собственности⁵. При этом упускается из виду то, что поздняя царская империя отличается именно господством институций частной собственности, порожденных реформами Екатерины. Этот порядок собственности, правда, имел почти парадоксальную природу: с одной стороны, была привнесена абсолютная концепция собственности Common Law [общего права – *англ.*], с другой – произошло это на основе государственного политического акта, наделившего дворянство привилегиями. Последнее можно интерпретировать как инструментализацию порядка собственности государством. И именно

⁵ Аргументы такого рода выдвигают прежде всего теоретики социализма – того времени и более поздние. Замечательный обзор по теме см.: *Denis Melnik, Oleg Ananyin: Dimensions of Ownership: Towardsthe history of ownership debates in the Soviet economic literature. Mimeo, Beitrag fürdas Forschungsprojekt: Between Bukharin and Balcerowicz: A Comparative History of Economic Thought Under Communism, <<http://triple-b-project.net>>*.

это, как будет показано ниже, стало ядром преемственности при всех различных революционных преобразованиях.

В XIX в. абсолютное право собственности все больше и больше проявляло себя как тормоз модернизации⁶. Это объяснялось тем, что в Common Law право собственности на землю всегда распространялось на природные ресурсы и другие блага, будь они под землей или на границе находящегося в собственности участка. Например, река до середины русла считается составной частью земельного участка. В то же время право континентальной Европы, в особенности Code Civil [Гражданский кодекс – *фр.*], устанавливало упорядоченный способ, при котором могли быть учтены интересы и общности, и государства. В России как раз не хватало такого подхода в случаях отчуждения в общественных интересах. Это значительно усложняло строительство инфраструктурных объектов, например, железных дорог.

Другой проблемой, живо обсуждаемой общественностью царской России, стало зачастую неэффективное использование ресурсов частными собственниками, притом, что государство не обладало возможностью его регулировать. Так, например, Россия не могла использовать ни свои богатые запасы угля, ни водные ресурсы в той мере, как это имело место в Западной Европе. Царская Россия

⁶ Пионерную значимость для раскрытия данной темы имела монография Екатерины Правиловой – *Ekatarina Pravilova: A Public Empire: Property and the Quest for the Common Good in Imperial Russia*. Princeton, NJ 2014. До появления исследования Правиловой господствовала точка зрения Ричарда Пайпса, который в своей классической работе *Russia under the Old Regime* (New York, 1974) в качестве главного тормоза модернизации рассматривал эндемические слабости частной собственности. Правилова перевернула эти представления.

импортировала каменный уголь, и это стало стратегической слабостью во время Первой мировой войны.

На этом фоне революционные изменения порядка собственности после 1917 г. приобретают новое значение. Это была попытка прорвать блокаду модернизации, порожденную прежним порядком собственности. Современники действительно рассматривали Советский Союз как государство инженерии, способной с головокружительной скоростью модернизировать страну. И такое восприятие пронизывало все сферы жизни вплоть до искусства и литературы⁷. Частный порядок собственности царской России и коллективистский Советского Союза использовались государством в качестве инструмента модернизации. Но советский порядок породил высочайшие требования к государству: оно должно было быть в состоянии действительно использовать государственную собственность. Ленин в период «военного коммунизма» поставил важную задачу – хозрасчет должен был стать значимым элементом управления государственной собственностью. Однако само по себе это осознание предполагало обращение к предшествующему опыту поздней царской России: один лишь статистический учет богатейших ресурсов (например, лесов) оказался почти что невыполнимой задачей. У государства совершенно не хватало мощи для действительного управления этим богатством, будь то посредством

⁷ Обращает на себя внимание исследование по этой теме – *Peter Conrad: Modern Times, Modern Places. London 1998, S. 229f.* По раннему советскому периоду специально см. номер журнала OSTEUROPA, посвященный Андрею Платонову, – *Utopie und Gewalt. Die Moderne schreiben* [= OSTEUROPA, 8–10/2016].

регулирования действий частных акторов или путем прямого государственного управления⁸.

В этом отношении сталинизм был попыткой вырваться из этих границ. Государственная мощь должна была быть обеспечена за счет радикальных мер тоталитарного террора. Государственная собственность и тоталитаризм органично дополнили друг друга. Экономическая эффективность и динамика при государственной собственности достижимы, только если государство в состоянии управлять процессом. Если же государство не обеспечивает эффективное и высококвалифицированное управление, способное проводить в жизнь нормы права, то сами собой напрашиваются всеохватывающий контроль и насильственные меры принуждения. Этот порядок собственности на деле оправдал себя прежде всего как институциональная форма военной экономики – для мобилизации ресурсов в борьбе против гитлеровской Германии. После войны разрыв между государственным порядком собственности и управленческими возможностями государства только возрастал, что приводило к еще большим потерям эффективности и динамики.

⁸ Об этом *déjà vu* см.: *Pravilova, A Public Empire* [Fn. 6], S. 73f., 276f.

Собственность, империя и неопатримониальная⁹ система: советское наследие

Для понимания развития социалистического порядка собственности в послевоенное время решающее значение имеет признание различия между государством и экономикой, с одной стороны, и имперским характером государства, с другой. Многие объясняют то, что некоторые приемы прямого государственного управления природными ресурсами сформировались уже в колониальных регионах царской России, например, на Кавказе¹⁰. Соответственно нетрудно предложить интерпретацию порядка собственности в Советском Союзе с учетом имперского характера российского государства и, тем самым, указать на самую важную особенность преемственности между прошлым и настоящим. Империи отличаются от современных национальных государств помимо прочего тем, что последние, например, из-за обширной территории и большого этнокультурного разнообразия, могут управлять этой своей формально подвластной территорией с помощью нерадикальных методов и как единым целым¹¹.

И мы вновь сталкиваемся с парадоксом: утопический проект государственной собственности во взаимодействии с социоэкономической реальностью породил структуру, скорее

⁹ Патримониализм — от лат. patri-monialis – родовой (англ. patrimo-nialism; нем. Patrimonialismus). По Макс Веберу – форма традиционного господства одного-единственного властителя, отличающаяся от остальных форм существованием лично обязанного ему окружения (Энциклопедия социологии). <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/2733/%D0%9F%D0%90%D0%A2%D0%A0%D0%98%D0%9C%D0%9E%D0%9D%D0%98%D0%90%D0%9B%D0%98%D0%97%D0%9C>.

¹⁰ *Pravilova*, A Public Empire [Fn. 6], S. 117f.

¹¹ *Jürgen Osterhammel*: Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München 2009, S. 607f.

препятствующую модернизации и, тем самым, еще больше подрывающую и без того недостаточную мощь государства. Это было связано с характерными для империй напряженными отношениями между центральной властью и обществом на локальном уровне: стабилизация центральной власти возможна, только если она допускает самоутверждение местных элит, которые в обмен за лояльность центру извлекают из имперских структур экономическую ренту. Порядок собственности в этом свете является институциональной аранжировкой поддержания имперского владычества. Чисто экономический анализ такого порядка был бы явно недостаточен¹².

Государственная собственность и централизованное планирование являются утопическими конструкциями, которые требуются центральной власти для претензий на руководство, но которые, однако, не отражают социоэкономическую реальность. В послевоенное время это несоответствие поначалу не проявляло себя. С одной стороны, продолжалось научное развитие этой утопии в виде моделей и методов оптимального планирования, которые сильно походили на разрабатываемые в то же время и столь же утопичные

¹² В своей работе (Carsten Herrmann-Pillath: Property, Power, and Revolution in Russia, 1917–2017: Institutional Transformations in the „Longue Durée“ (March 5, 2017), <https://ssrn.com/abstract=2946859>) я теоретически подкрепляю эту аргументацию часто цитируемым российскими авторами тезисом Дулласа Норга и др., который я дополняю концепцией «ментальности управления» [Gouvernementalität] Фуколта и «биополитикой». Взаимосвязь здесь устанавливается с помощью вопроса о том, какую роль при стабилизации политической власти играет порядок собственности: Douglas North, John J. Wallis, Barry R. Weingast: Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History. Cambridge 2009. – Michel Foucault: Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France, 1977–1978. Paris 2004. – Ders.: Naissance de la biopolitique. Cours au Collège de France, 1978–1979. Paris 2004.

модели общего равновесия в рыночной экономике¹³. С другой – именно катастрофа Второй мировой войны сделала возможным конструирование моделей на протяжении двадцати лет на основе образования капитала¹⁴. В действительности же, однако, в реальном социализме произошло де-факто разделение экономических прав распоряжения и контроля, в результате чего местные администрации государственных предприятий, зачастую занимающие буквально господствующие позиции в городах, образовывали патримониальные активы. Одновременно возник симбиоз административных механизмов распределения и неформальных сетевых систем, заместивший рыночные отношения. В этой системе не государство было важнейшей структурой политического управления, а КПСС и ее номенклатура. Уже само по себе относительно небольшое число служащих государственного управления указывает на явный недостаток государственной мощи¹⁵.

Для понимания переходного периода после крушения СССР решающее значение имеет распознавание патримониальной структуры формального порядка собственности. Не случайно нынешняя система характеризуется как «неопатримониализм»¹⁶. Многие западные экономисты трансформацию порядка

¹³ См.: статья Роланда Гётца *Vom Versagender Wirtschaftstheorie in der Sowjetunion*, in: *Durchschaut: Der Kommunismus in seiner Epoche* [= OSTEUROPA, 5–6/2013], S. 125–150. А также Ivan Boldyrev, Olessia Kirtchik: *General Equilibrium Theory Behind the Iron Curtain: The Case of Victor Polterovich*. Higher School of Economics Research Paper No. WP BPR 14/HUM/2013, <<https://ssrn.com/abstract=2221794>>.

¹⁴ Mau, Dobryshevskaya, *Modernization* [Fn. 2].

¹⁵ *О социоэкономической реальности планового хозяйства см.: Richard Ericson: Command Economy and Its Legacy*, in: Alexeev, Weber, *The Oxford Handbook* [Fn. 2], S. 51–85. Сутела подчеркивает явные слабости советской гражданской системы управления в международном сопоставлении. *Pekka Sutela: The Political Economy of Putin's Russia*. London, New York 2012, S. 7.

¹⁶ Систематизировано изложено в: *Vladimir Gel'man: The vicious circle of post-Soviet neopatrimonialism in Russia*, in: *Post-Soviet Affairs*, 5/2016, S. 455–473.

собственности интерпретировали в свете утопии государственной собственности и предлагали концепции приватизации, не учитывавшие социоэкономическую реальность патримониализма и потому также приобретающие утопический характер. В России в подобные концепции приватизации закладывалась идея прорыва блокады модернизации советского общества посредством радикальной трансформации порядка собственности.

Возникла новая «встречная утопия», а именно идея, что начальное распределение прав частной собственности будто бы нерелевантно, поскольку рынок позаботится об эффективном реальном распределении прав. Это якобы соответствовало западным экономическим учениям¹⁷. Однако в действительности приватизация осуществляется в среде сложившихся социальных структур. В результате она превращается в «инсайдерскую приватизацию», укрепляющую локальные патримониальные структуры и одновременно способствующую через последующие трансакции становлению национальной олигархии¹⁸. Следует, правда отметить, что такие российские проводники модернизации, как Егор Гайдар (в отличие от экономистов Запада), вполне распознали суть такого развития. Однако они ожидали, что рынок, или капитализм, сам по себе станет буквально революционной силой, которая искоренит такую неэффективную институциональную практику благодаря тому,

¹⁷ Подробно см.: *Sutela, The Political Economy* [Fn. 12], S. 11f. Там речь идет о теореме Коуза, согласно которой в идеальной рыночной экономике при отсутствии транзакционных издержек начальное распределение прав собственности не имеет значения для эффективного конечного результата.

¹⁸ За это прежде всего ответственна практика «залоговых аукционов», при которой государство в середине 90-х гг. отдавало под кредиты крупным банкам пакеты акций государственных предприятий, которые затем оставались во владении их и создаваемых ими холдингов. См.: *Heiko Pleines: Holdings, Politik und Macht. Aufstieg und Fall der Oligarchen in Russland*, in: *OSTEUROPA*, 3/2004, S. 71–81.

что в результате конкуренции окончательный контроль над правами собственности перейдет к тем акторам, которые используют их наилучшим образом¹⁹. Даже своеобразная форма промышленной реструктуризации – *рейдерство*, могла рассматриваться в первой половине 1990-х гг. как соответствующая форма экономического поведения. Не упорядоченный рынок, а атаки внутри патримониальных властных структур привели, соответственно этому аргументу, к выигрышу в части эффективности, поскольку капиталисты вытеснили «красных директоров». Такова российская форма «первоначального накопления», своего рода «неопатримониальный капитализм», который якобы должен, в конечном счете, сам себя изжить²⁰. Однако в результате «инсайдерской приватизации» установилась новая блокада, модернизация оказалась заблокированной, поскольку новые патримониальные структуры скорее враждебны рынку, а новые капиталисты, «олигархи», стремятся к секторальной монополии и не заинтересованы в развитии институтов правового государства, поскольку свои интересы они могли отстаивать благодаря прямому доступу к центру принятия политических решений²¹. Оба фактора привели, помимо прочего, к существующей по сей день эндемичной слабости малых, но в первую

¹⁹ *Sutela*, The Political Economy [Fn. 14], S. 7; Сутела ссылается в первую очередь на книгу Егора Гайдара «Государство и эволюция».

²⁰ Рохлитц проводит различие между фазой *рейдерства* и более ранней фазой, во время которой государственные акторы непосредственно присваивали предприятия. См.: *Michael Rochlitz: Corporate Raiding and the Role of the State in Russia*, in: *Post-Soviet Affairs*, 2–3/2014, S. 89–114.

²¹ *Konstantin Sonin: Why the Rich May Favor Poor Protection of Property Rights*, in: *Journal of Comparative Economics*, 4/2003, S. 715–731.

очередь, средних предприятий в России²². Но и возможности государства по реализации модернизационной повестки были подорваны. Утопия приватизации потерпела крах через несколько лет, а сложившийся неопатримониальный порядок стабилен по сей день.

Постреволюционная нормализация?

Перераспределение прав собственности в начале 2000-х гг. повлекло за собой новое усиление авторитарной власти. Под этим можно понимать просто «клептократию». Я бы хотел, однако, дополнить характеристику интерпретациями системного характера, принимая во внимание преемственность определенных общих условий трансформации собственности в России. Она помогает прояснить тот факт, что современный порядок собственности представляет собой во многих отношениях новую имперскую привязку «диких» форм патримониальной собственности, возникших в ходе инсайдерской приватизации.

Сложившийся порядок полностью соответствует традициям авторитарной модернизации, начиная с XVIII столетия. Неслучайно он сопровождается многочисленными попытками реактивации имперского и идеологического наследия царской России и Советского Союза и создания своего рода сплава из этих компонентов²³. Это

²² *Sutela*, *The Political Economy* [Fn. 14], S. 20f. Этот аспект всегда также подчеркивает в своих работах Андрей Яковлев. *Andrei Yakovlev: Russian Modernization: Between the Need for New Players and the Fear of Losing Control of Rent Sources*, in: *Journal of Eurasian Studies*, 1/2014, S. 10–20.

²³ В качестве примера можно указать на активную деятельность Изборского клуба. См.: *Roland Götz: Die andere Welt. Im Izborsker Klub: Russlands antiwestliche Intelligencija*, in: *OSTEUROPA*, 3/2015, S. 109–138. – *Marlene Laruelle: The Izborsky Club, or the New Conservative Avant-Garde in Russia*, in: *The Russian Review*, 75/2016, S. 626–644.

касается и порядка собственности. Во время политических конфликтов начала 2000-х гг. (показательно в этой связи дело Ходорковского) государство вновь «пробивало» принцип, согласно которому частная собственность суть право, предоставляемое государством, которым только оно может наделять²⁴. Одновременно российское государство в рамках госкапитализма претендует на продолжение курса на экономическую модернизацию, опираясь на государственные предприятия.

Однако при анализе современности следует иметь в виду структурную особенность, проявившую себя еще в советское время, но ставшую в современной России центральной доминантой порядка собственности. Речь идет о роли природных ресурсов, прежде всего, нефти и газа. Если в дореволюционной России тормозом активного освоения природных ресурсов в целях хозяйственного развития были формы порядка собственности, то в современной России центральная проблема институционального оформления – это вопрос о том, как может распределяться и реализовываться извлекаемая при использовании этих ресурсов рента. Природные ресурсы играют центральную роль в процессе формирования и реализации неоимперского порядка, особенно ввиду масштабов Российского государства и необходимости осуществления контроля над территорией.

²⁴ Во время пресловутой встречи «барбекю» Путин заверил олигархов в том, что результаты приватизации необратимы. Однако сам этот факт свидетельствует о том, что собственность привязана к воле государства. *Vladimir Gel'man: Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh, PA 2015, S. 80.*

Крупные, принадлежащие государству предприятия в ресурсных отраслях, равно как и кооптированные олигархи, являются частью обширной системы управления и распределения экономических рент, извлекаемых из российского ресурсного изобилия²⁵. Фактически вновь возникает – в модифицированной форме – дилемма частной собственности позднего периода царской России. Принимая во внимание перспективы государства и его конкретных представителей, возвышение олигархов отчетливо показало, что частный контроль над этими ресурсами в условиях исключительно частного порядка собственности неминуемо приводит к аккумуляции также и политической власти с тем последствием, что государство уже не сможет больше использовать ренты для стабилизации центральной власти. При этом для протагонистов имперского возврата возникшей в результате инсайдерской приватизации патримониальной собственности не подлежало сомнению, что сохранение неопатримониальной структуры привело бы к еще большей потере центром контроля над территориями.

Отсюда современный порядок собственности с его высокой долей государственной собственности может быть понят только в свете нового усиления вертикали власти, т. е. волевой напористости центра в отношениях с регионами как ключевого компонента системы. И вновь возникает парадокс: этот порядок собственности является инструментом опосредованного распределения рент, и косвенно он способствует сохранению жизни неэффективных и отсталых

²⁵ Эту систему проанализировали Гадди и Айкес, см.: *Clifford G. Gaddy, Barry W. Ickes: Russia's Dependence on Resources*, in: Alexeev, Weber, *The Oxford Handbook* [Fn. 2], S. 309–340.

предприятий. Типичный случай – крупные машиностроительные компании, доминирующие в экономике регионов. Они существуют либо как часть государственного конгломерата в ресурсной сфере, либо как субпоставщики государственных предприятий, которые за счет ресурсной ренты финансируют своим спросом дорогие и некачественные продукты. Такое заключение, поскольку оно напрямую соотносится с порядком собственности, коренным образом отличается от диагноза «ресурсного проклятия» (также называемого «голландской болезнью»), якобы блокирующего модернизацию²⁶.

Поскольку порядок собственности является инструментом перераспределения, то это объясняет также высокую степень одобрения системы населением. К тому же по сей день постсоветскую приватизацию большинство людей принципиально считают нелегитимной. Убежденность в том, что государственная собственность на средства производства, соответственно на важные отрасли и предприятия, является лучшим порядком собственности, необыкновенно широко распространена в России, если сравнивать ее с другими странами. Даже многие менеджеры считают несправедливыми результаты приватизации и считают их следствием противозаконных действий²⁷. Установившийся порядок собственности, таким образом, стабилизировался во многих отношениях благодаря конкретным интересам тех, кто получает выгоду, общественному

²⁶ Модель «голландской болезни» исходит из того, что ресурсное изобилие «душит» экономический прогресс, поскольку высокие доходы от продажи сырья через обменный курс «хоронят» конкурентоспособность обрабатывающих отраслей.

²⁷ Согласно последним данным *World Values Survey* (www.worldvaluessurvey.org, Online Analyse), 40% русских выступают за укрепление государственной собственности против 29% бразильцев и 24% китайцев. Об эффекте легитимности приватизации см.: *Timothy Frye: Original Sin, Good Works, and Property Rights in Russia*, in: *World Politics*, 4/2006, S. 479–504.

мнению, а также в силу системных факторов, которые лежали в основе их генезиса и которые, прежде всего, связаны с напряжением между российской государственностью и претензиями на модернизацию.

Выводы и перспективы

Почти два столетия мы обозрели с высоты птичьего полета. В центре этого периода – революция 1917 г. Стало ясно, что она породила долговременные неоимперские и неопатримониальные структуры, которые образуют каркас современного порядка. Таким образом, не утопические претензии революционеров, не радикальное представление об исключительно государственном управлении экономикой предопределили *longue durée* [на длительный срок – *фр.*] ее значимость. Экономическая система России в настоящее время часто определяется как «государственный капитализм». Этот термин, указывающий прежде всего на важную роль государственной собственности в национальной экономике, скрывает, однако, больше, чем проясняет: его используют применительно к таким разным странам, как Китай, Бразилия и даже к ресурсно-ориентированной, как и Россия, Норвегии.

То, что характеризует Россию, и это следует из рассмотрения периода после 2000г., это не созданный в 1917 г. институт государственной собственности, а в значительно большей степени имперская оболочка порядка собственности, которую скорее можно определить как дуализм частной собственности и патримониализма. Этот дуализм существовал до 1917 г., он воспроизводится, несмотря на

формальное огосударствление 1917 г. Приватизация 1990-х гг. не сломала советский патримониализм, он продолжил свое существование в измененной форме уже как неопатримониализм.

Если эту констелляцию рассматривать под углом зрения потребности модернизации России, то речь, как ни странно, идет об учреждении и укреплении аутентичного «гражданского общества», основанного на таком порядке собственности, который бы более не зависел от государства. Иначе говоря, лишь если государство откажется от претензии на модернизацию общества сверху, может состояться настоящая модернизация. При таком подходе 1917 год, как историческая веха, потеряет многое в своем революционном ореоле, поскольку он не смог поставить Россию на новый успешный путь модернизации. Неопатримониальный порядок по существу является неформальным, в России он иногда обозначается как *система*²⁸. Система контролирует в самом широком смысле все то, что Макс Вебер определял понятием *шанс*, т.е. не только права собственности, но и карьерные возможности личности. В советское время формализация системы осуществлялась посредством номенклатуры. В настоящее время она образует «спинной хребет» неопатримониального порядка, в центре которого стоит персона Путина, который вынужден в отдельных случаях осуществлять «ручное» управление политикой и экономикой. Соответственно окончательно сломать этот порядок может только «гражданская революция». Как представляется, и политические элиты это осознали. Об этом говорят предпринятые в

²⁸ Подробно об этом см.: *Alena V. Ledeneva: Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks and Informal Governance. Cambridge 2013.*

2008–2012 гг. усилия вновь организовать тот общественный слой, который в Германии называют *Mittelstand* [среднее сословие – нем.]²⁹ Правда, эта политика понимается в социально-технологическом смысле, как улучшение регуляторной среды для малых и средних предприятий. В результате сохраняется традиция имперской модернизации, что отчетливо показало новое смещение центра тяжести последнего времени. Так что по-прежнему недооценивается необходимость избавления от мировоззренческих оков, которые тормозят российскую модернизацию на протяжении уже двух веков.

²⁹ *Andrei Yakovlev*: Is there a „new deal“ in state-business relations in Russia? BOFIT Online 2013, No. 7.

Инновационно-технологическая политика России.

Реферативный обзор немецкоязычных источников

Российская политика в области развития инноваций и технологий, по всей видимости, не вызывает большого интереса у экспертного сообщества Запада. В этом веке, насколько можно судить по анонсам, в Германии, в частности, вышла лишь одна монография по этой теме – исследование Марии Кнюттель «Инновационные процессы в России – современное состояние и возможности развития»¹ общим объемом 156 страниц.

В тезисном виде основные положения исследования сводятся к следующему.

1. Российская инновационная система (РИС) находится в стадии становления и «догоняющего развития». В последнее время правительство России приняло целый ряд постановлений, направленных на ее реорганизацию и создание новых государственных институций. Отмечаются изменения в системе финансирования и стимулирования.
2. Процесс реформирования затрудняется разного рода барьерами, объективными трудностями роста и системными слабостями, среди которых отмечаются следующие:

¹ Innovationsprozesse in Russland - Aktueller Stand und Entwicklungsmöglichkeiten. Maria Knüttel, Diplomica Verlag GmbH, 2013.

- отсутствие конструктивного диалога между инновативными предпринимателями и структурами государства;
- недостаточная ориентация сектора НИОКР на потребности рынка. Последнее относится, главным образом, к институтам, созданным государством. Они хотя и занимаются разработкой новых продуктов, но без достаточного учета требований рынка, и получают при этом государственное финансирование под свои проекты. В результате появляются инновации, которые зачастую не принимает потребитель;
- многие сотрудники министерств и ведомств сохранили прежний менталитет и очень часто используют «коммунистические» методы в работе. Не хватает, в частности, доброжелательности в отношениях с клиентами;
- государство не всегда гибко реагирует на изменения экономической ситуации, не создано достаточных условий для развития свободных рыночных отношений;
- слишком мал частный бизнес-сектор инноваций. Причина в том, что Россия чрезмерно зависит от продажи сырья и мало заинтересована в стимулировании развития иных секторов экономики. Кроме того, многие товары импортируются, что также не способствует ускорению технологического развития. Предпринимателям проще и зачастую выгоднее приобретать инновации за рубежом, чем самим производить новинки. Особенно это касается малых и средних предприятий.

Кроме того, автор указывает на громоздкую систему налогообложения, недостаточно развитый банковский сектор, чрезмерную бюрократию и слишком слабую законодательную базу.

К позитивным тенденциям автор относит, прежде всего, ориентацию преобразований РИС на западные стандарты и связанное с этим стремление интегрироваться в «мировое научное сообщество».

В работе исследователя из Кёльнского института германской экономики Галины Колевой «Структурные слабости российской экономики»² одной из главных причин актуальных проблем народнохозяйственного развития России также называется «голландская болезнь» с чрезмерной зависимостью экономики от мировой конъюнктуры по топливно-сырьевым товарам.

К структурным проблемам российской экономики относится неэффективное использование человеческого капитала с его огромным незадействованным потенциалом; этим фактором обусловлены слабые в сравнении с передовыми странами позиции сектора НИОКР. С одной стороны, по доле лиц с высшим образованием в возрасте от 25 до 34 лет Россия занимает четвертое место среди 20 стран ОЭСР, а в возрастной группе от 55 до 64 лет – даже второе место. С другой – школьники старших классов (в возрасте 15 лет) по уровню знаний в таких дисциплинах, как математика, физика и других естественно-научных, сильно не дотягивают даже до среднего уровня ОЭСР.

² Galina Kolev. Strukturelle Schwächen der russischen Wirtschaft. IW-Report · 3/2016

Слабые показатели в области образования объясняются рядом факторов. К ним относятся: устаревший контент преподавания; большие региональные различия в финансировании образования; низкие стандарты преподавания; низкая заработная плата самих преподавателей. К этому следует добавить выраженный разрыв между системой образования и потребностями рынка рабочей силы. Результат – около трети всех выпускников высшей школы работают не по специальности.

В период трансформации резко снизились в относительном выражении расходы бюджета на НИОКР. С 1995 г. на эти цели регулярно выделяется лишь немногим более 1% от ВВП. По этому относительному показателю Россия сопоставима с такими странами Южной Европы, как Испания и Португалия. На миллион населения приходится около 100 научных публикаций – 44-е место в мире. При этом средний мировой уровень – 120 публикаций.

Не в последнюю очередь сложившаяся ситуация объясняется относительно низким уровнем заработных плат и недостаточным финансированием в сфере НИОКР. Большая часть исследований финансируется государством, и сложившаяся в результате этого подхода система стимулирования не предоставляет достаточного пространства для инноваций и технологического прогресса. По удельному весу высокотехнологичной продукции в экспорте Россия сопоставима с Бразилией и Аргентиной.

В последние годы российское правительство приняло ряд программ, направленных на повышение инновационного потенциала («инновативной мощи») экономики. Отмечаются меры по облегчению налогового бремени доходов, полученных от интеллектуальной деятельности, а также для предприятий, инвестирующих в такие перспективные отрасли, как нанотехнологии, и – через участие в технопарках – способствующих ускорению технического прогресса. Прошедший после принятия этих мер период пока не дает оснований для выводов относительно их эффективности.

Автор исследования приходит к общему выводу, что экономическая политика России должна стимулировать превращение ресурсно-ориентированной экономики в инновативную и, соответственно, всецело способствовать данному преобразованию.

Harley Balzer, professor in the Department of Government and School of Foreign Service at Georgetown University, PhD

Jon Askonas University of Oxford, PhD

Innovation in Russia and China Comparad

RUSSIAN ANALYTICAL DIGEST NO. 155, SEPTEMBER 2014

Перевод с английского

Харли Балзер, профессор кафедры государственного управления и школы иностранной службы

в Джорджтаунском университете, PhD

Джон Асконас, Университет Оксфорда, PhD

Инновации в России и Китае. Сравнение

Россия и Китай стремятся преобразовать свои научно-исследовательские системы советского образца, характеризующиеся отделенными друг от друга сферами образования, исследований и бизнеса, в нечто более соответствующее экономике знаний, создающей инновации. Модель «тройной спирали» является при этом привлекательной конфигурацией не только потому, что она проистекает из практики наиболее успешных инновационных систем, но и, в частности, благодаря потенциальной взаимозаменяемости и взаимодополняемости трех ее ключевых участников – университетов, бизнеса и государства. Любая модель, ставящая государство в центр, исходит из практики недемократических режимов. В данной статье на примере нанотехнологий сопоставляются усилия Китая и России по реализации модели «тройной спирали» на основе изучения институциональных изменений, практики финансирования и роли государства. Обе страны реализуют крупные программы и тратят значительные средства, но мы видим, что Китай по сравнению с Россией намного более успешен в содействии сотрудничеству между университетами, бизнесом и правительством в целях поощрения проведения исследований и создания инноваций. Мы связываем разницу между странами с качеством государственной политики, которая стимулирует агентов «эпистемологических сообществ» к изменению

поведения. Китай все чаще добивается успехов и прогрессирует, в то время как российская система по многим параметрам остается еще недостаточно развитой.

Адаптация советской модели

Страны, стремящиеся к статусу великой державы в XXI в., разделяют общую цель – создание способной к инновациям экономики знаний в целях обеспечения высокого качества жизни и современных возможностей в области обороны. Советская модель раздельного государственного финансирования образования, фундаментальных исследований и промышленных научно-исследовательских учреждений оказалась неконкурентоспособной в современных условиях. Китай и Россия демонстрируют большие отличия при адаптации советской модели к требованиям XXI в.

В 1950-х гг. Китай принял советскую модель со значительной помощью СССР. После реформ 1980-х и 1990-х гг. Китай в 2000-х гг. стал мировым лидером по научным публикациям и патентованию и готов конкурировать с ведущими странами в области инноваций. Россия неуклонно снижалась в мировом рейтинге по таким критериям, как высшее образование, научное влияние и развитие технологий. Ответ на вопрос, почему так произошло, связан с более глубокой интеграцией Китая по сравнению с Россией в мировое научное сообщество и с сочетанием государственной политики его промышленного роста и поведения эпистемологических сообществ.

С 1950-х гг. в мире обсуждалось комплексное взаимодействие бизнеса, государства и высшего образования с целью создания

инноваций. За последние два десятилетия оно трансформировалось в модель «тройной спирали»¹, в которой инновации рассматриваются через призму рамочного взаимодействия, охватывающего правительство, академические исследования и бизнес. Модель связывает институциональные и эволюционные объяснения инноваций, первые из которых фокусируются на конфигурации университетских, промышленных и правительственных сетей.

Эксперты Китая и России одобряют модель «тройной спирали», подчеркивая потенциал государства в содействии и поощрении творческого процесса. Однако их дискуссии часто игнорируют критическое различие между «содействием» и «поощрением». Любое государство, достаточно сильное для продвижения инноваций, также способно препятствовать им. Что определяет готовность и способность государства с успехом поощрять инновации (Китай), а не сдерживать их (Россия)?

Мы проанализируем различия между Китаем и Россией, исследуя институциональные изменения, финансирование и роль государства, сравнивая усилия в области нанотехнологий.

Институциональные изменения

Китай и Россия являются крупнейшими посткоммунистическими странами, и каждая может привести примеры значительных научных достижений в их прошлом. Обе страны полностью реализовали

¹ *Etzkowitz Henry*. 2008. *The Triple Helix: University-Industry-Government Innovation in Action*, New York and London: Routledge.

советскую систему, основанную на академиях наук и промышленных научно-исследовательских институтах, университетам же отводилась роль только образовательных центров. Хотя ни одна из стран полностью не реформировала свою систему, Китай добился в этом значительно большего успеха.

В течение двух десятилетий Китай смог сократить роль своей Академии наук в процессе развития исследовательской системы. Реформы еще далеко не завершены, и расширение задач учреждений высшего образования, конечно, повлекло за собой издержки и риски. Однако, количество автономных исследовательских институтов сократилось, а большинство из оставшихся теперь контролируются лидерами, открытыми для сотрудничества с университетами и промышленностью.

Если реформы в Китае остаются незавершенными, то реформы в России менее содержательны. Российская академия наук никогда полностью не признавала необходимости радикальных перемен. Те, кто предпочитал перемены, покинули страну или оставили науку. Консерватизм подкрепляется российской традицией «научных школ», что ограничивает мобильность между учреждениями. Это относится и к практике студентов, остающихся в одном и том же университете для получения степени, а затем в качестве преподавателей.

Реформа правительства выразилась в создании новой институции – Федерального агентства научных организаций (ФАНО), реорганизующего институты Академии наук в соответствии с

государственными приоритетами. Приоритетными должны оказаться технологии, необходимые для модернизации, а наука должна поддерживать региональное развитие. Изменения будут успешными, если российское государство сможет стимулировать и контролировать сектор исследований и разработок, но необходимо учитывать, что они происходят после шокирующего спада российской науки и техники, произошедшего в 90-х гг.

Наиболее интересным институциональным изменением в обеих странах была попытка превратить вузы из учебных заведений в конкурентоспособные в интернациональном масштабе исследовательские университеты, призванные сотрудничать с бизнесом в области инноваций.

Университеты

Преимущество университетов в исследованиях и инновациях обусловлено регулярным притоком студентов, аспирантов, преподавателей и научных сотрудников, что стимулирует постоянное появление новых идей. Многие идеи, генерируемые студентами, нереализуемы на практике или же заводят в тупик. Но иногда они являются прорывными. В массовой литературе часто хвалят новаторов, которые бросили университеты для создания таких компаний, как Microsoft, Apple, Nintendo и Facebook. Однако, гораздо больше инноваций было создано в результате сотрудничества между университетами и бизнесом, не говоря уже о существенной поддержке компаний (той же Apple) со стороны правительства.

В 1950-х гг. Китай выделил группу ключевых высших учебных заведений. С 11 ед. в 1956 г. их число выросло до 88 в 1978 г. В 1990-х гг. в нескольких программах уделялось приоритетное внимание исследовательским университетам. В 1993 г. 211 программ было направлено на преобразование около 100 китайских университетов в ведущие мировые учебные заведения к началу XXI в. В настоящее время за счет этой программы финансируются 106 учреждений, или около 6% из 1700 высших учебных заведений Китая.

Китай успешно воспринял модель «тройной спирали» для университетов, которая пока еще слабо реализуется в России. Многие российские ученые из университетов и Академии наук избегают участия в коммерческой деятельности. Бизнесмены считают зарубежных партнеров в области НИОКР полезнее их российских коллег.

У России есть свои программы по продвижению ведущих университетов. В 2006–2007 гг. 57 учреждений получили специальное финансирование для инновационных образовательных программ. В 2009 г. программа «Исследовательский университет» объявила 29 победителей, а правительство профинансировало создание 7 (позднее 8) федеральных университетов в региональных центрах, а также в Москве и Санкт-Петербурге, в общей сложности их число составило 39. В 2013 г. была принята программа, направленная на то, чтобы к 2020 г. пять российских университетов вошли в сотню лучших в мире. Пятнадцати успешным кандидатам было предложено представить «дорожные карты», описывающие, как они способны

достичь этой цели. Поразительно, что количество «элитных» учреждений сокращалось на каждом этапе соревнований.

Сравнительный статус китайских и российских университетов отражен в мировых рейтингах. В большинстве основных рейтинговых систем ранжирования университетов растет число мест китайских учреждений, в то время как российские университеты почти из них исчезли, и только МГУ им. М.В. Ломоносова сохранил позицию в топ-300.

Финансирование

Россия и Китай претерпели существенные изменения в финансировании науки и образования с 1978 г. В 1980-х и 1990-х гг., по мере открытия и интернационализации Китая, частные инвестиции в НИОКР начали увеличиваться, хотя производство в основном низко- и среднетехнологичных товаров в Китае не было заинтересовано в передовой науке. Правительство установило четкие принципы финансирования, отдавая предпочтения «практическим» исследованиям, а не фундаментальной науке. Увеличение расходов на науку стало эффективным в реформированной системе, которая успешно заменила советскую модель конкурентным финансированием с помощью грантов и государственно-частного партнерства.

В российском секторе НИОКР по-прежнему преобладает государственное финансирование. Распад СССР вызвал экономический кризис, в результате которого очень сильно снизилось

финансирование науки. Многие из лучших ученых России переместились на Запад; другие искали более выгодные альтернативы своей деятельности. В 1990-е гг. иностранные некоммерческие организации и правительства инвестировали значительные средства для «спасения российской науки». После экономического кризиса в августе 1998 г. инвестиции Правительства России и бизнеса в исследования начали восстанавливаться и значительно возросли с 2000 г. И все же 70% финансирования российской науки осуществляется за счет государства. Значительно увеличились также средства университетов. Но вместо того, чтобы создавать самодостаточные, ориентированные на промышленность исследовательские предприятия, Россия наблюдала за битвой между реформаторами, которые искали более конкурентоспособные механизмы государственного финансирования, и консерваторами, лоббирующими увеличение финансирования «традиционных» институтов.

Финансирование в России посредством грантов и специальных программ характеризуется чрезмерным контролем, неспособным однако обуздать коррупцию. Процедуры бухгалтерского учета педантичны и отнимают много времени. Некоторые учреждения, которые получают крупные правительственные гранты, вынуждены нанять специального бухгалтера для заполнения документов.

Интересно отметить увеличение расходов на НИОКР и в целом на науку в Китае за последние двадцать лет. Начиная с 1991 г.

финансирование в Китае увеличилось более чем в 20 раз – с 7,5 млрд долл. США до 178,2 млрд долл. США в 2010 г.

Российской науке после 1991 г. огромную поддержку оказали иностранные правительства и организации. Китай, вероятно, получил меньше. Тем не менее, он выиграл от массового использования промышленных исследований, выполненных огромным количеством иностранных научно-исследовательских учреждений.

Однако главный вопрос заключается не в том, сколько расходуется средств, а в том, насколько эффективно они используются. Резкий контраст между Китаем и Россией поднимает важный вопрос о роли государства. У обеих стран есть серьезные проблемы с подотчетностью местных чиновников и коррупцией. Тем не менее, Китай, похоже, расходует средства более эффективно, что дает видимые результаты: китайские университеты растут в мировом рейтинге, ученые публикуются в международных рецензируемых журналах, предприятия улучшают качество продуктов, доступных для потребителей.

Роль и качество государственной политики

Оптимизм по поводу модели «тройной спирали», особенно для развивающихся стран, связан с тем, что она рассматривается как способ догнать развитые страны. В некоторых случаях были достигнуты определенные успехи. Но создание конкурентоспособной инфраструктуры – долгий и дорогостоящий процесс, и многие страны так и не получили выгоды от участия в глобальной экономике знаний.

Постсоветские случаи представляют собой уникальный пример для изучения того, как государственная политика создает экономику знаний. У всех были сходные институциональные системы, и большинство стран рассматривались как полноправные участники научно-технической революции. Подобные институциональные отправные точки и идеал технократии, завещанные советской моделью, помогают уточнить нашу точку зрения на роль государства в успешных инновационных системах.

В научной литературе по инновациям XXI века подчеркивается решающая роль государства. Оно может поддерживать инновации различными способами, иногда становясь лидером, подменяя промышленность или академические круги. Но взять на себя инициативу – это не то же самое, что полностью захватить влияние в этой сфере. Опыт коммунистических стран показал, что плановые экономики не особенно эффективны для продвижения инноваций. Авторитарные режимы могут добиться некоторых приоритетов (в области вооружения, космической отрасли), но они чаще мешают научному творческому поиску.

В демократических государствах выборные должностные лица подотчетны избирателям; в недемократических системах решающим фактором является структура стимулирования, которая «подвигает» местных должностных лиц к развитию или ограничению.

Российская политика поощряет ставку на краткосрочные горизонты и поведение, которые удовлетворяют лидеров в Москве.

Лидеры Китая, безусловно, тоже не поощряют политику, которая противоречит их представлениям, но они более прагматичны при принятии отклонений, которые приводят к хорошим экономическим результатам. Структура стимулирования в Китае, особенно в 1980-х и начале 1990-х гг., послужила инструментом вознаграждения местных чиновников за эффективность их усилий по повышению ВВП. Китайская структура стимулирования поощряла развитие тремя способами: экономический успех означал продвижение по службе, в регионах сохранилась доля прибыли от экономического роста, и чиновники, таким образом, имели более крупную экономику, в которой было больше возможностей для хищений (при условии, что объем хищений не сдерживал экономический рост). Антикоррупционные усилия помогли ограничить масштабы расхитительства. Китайская система не является идеальной моделью развития, но она работает, и ее опыт чрезвычайно привлекателен для авторитарных лидеров в других странах.

Нанотехнологии

Соотношение достижений двух систем можно проиллюстрировать на примере нанотехнологий. Российская наноинженерия начиналась с еще советских инвестиций в материаловедение и химические исследования. Будучи в неблагоприятном положении из-за недостаточного финансирования и закрытости научной системы, советские ученые сосредоточивали силы в новой сфере науки, способствуя фундаментальным открытиям в

таких областях и направлениях, как квантовые точки, углеродные нанотрубки и графены.

В 2006 г. Россия объявила о «Программе по координации развития нанотехнологий и наноматериалов», отвечая на Национальную инициативу США по нанотехнологиям 2000 г. В 2007 г. правительство представило две крупные инициативы: организация национальной сети нанотехнологий для поощрения соответствующих исследований в российских университетах и институтах и создание российской корпорации нанотехнологий Роснано – инвестиционной компании в области технологий, способствующей развитию партнерских отношений с государственным и частным секторами.

В 2008 г. в рамках инициатив Дмитрия Медведева по модернизации российские политики подтвердили, что нанонаука является перспективной областью, увеличив в нее инвестиции. На протяжении более четырех лет Россия сохраняла лидирующие позиции в мире по финансированию исследований в нанотехнологиях (на основе ППС).

Китай не выделяет большого финансирования на развитие новых нанотехнологий. При этом он рискует оказаться в институциональной ловушке, поскольку рентабельность традиционного производства с низкими затратами блокирует стимулы развития новых нанотехнологий. Хорошим примером являются углеродные нанотрубки (технология, впервые внедренная в

России!). Китай теперь хорошо зарабатывает на производстве недорогих нанотрубок без затрат на исследования, поэтому у него мало стимулов для разработки новых технологий.

Правительства Китая и России в сентябре 2014 г. объявили о планах совместного финансирования исследований и разработок в области нанотехнологий. Это могло бы способствовать объединению возможностей России в области фундаментальных исследований с промышленными и технологическими возможностями Китая. Для успешного сотрудничества потребуется преодоление языковых барьеров, различий научно-технических культур и решение вопросов доверия.

Вывод: почему Китай?

Результатом ключевых изменений, осуществленных в Китае (и не произошедших в России), являются большие успехи в реформировании советской системы НИОКР по таким направлениям, как:

- интеграция исследовательских институтов и технологических предприятий;
- повышение статуса и качества университетов путем предоставления им исследовательских центров, а также учебных помещений;
- внедрение конкурентного финансирования и системы экспертных оценок;

- поощрение регионального развития посредством расширения возможностей для карьеры и повышения доходов;
- развитие эффективных международных связей.

Благодаря успешному развитию на региональном уровне в Китае созданы отрасли, в которых совершенствование технологий все чаще осуществляется на основе сотрудничества с научно-исследовательскими институтами и университетами. Китай уходит от модели 1970-х гг. – предоставление дешевой рабочей силы для Японии, Тайваня и Южной Кореи. В настоящее время китайские фирмы сами ищут более низкооплачиваемый труд в Камбодже, Бирме, Африке и других странах, поскольку они переходят на производство с более высокой добавленной стоимостью.

Многие объясняют выдающийся экономический и промышленный рост в Китае некоей версией «преимуществ отсталости». Страны, позднее начавшие индустриализацию, имеют преимущества из-за возможности обучения на основе имеющегося опыта, копирования и заимствования технологий у развитых стран. Менее радикальное, но более правдоподобное объяснение результатов Китая фокусируется на китайском правительстве, содействующем реформе. Так некоторые региональные чиновники продвигают реформы дальше и быстрее, чем предполагал Пекин, и он принимает успешное развитие, а не настаивает на контроле. Коалиция правительственных реформаторов, местных кадров, успешных предпринимателей и отечественных и зарубежных инвесторов сумела

последовательно решить проблемы реформ в 1980-х гг. Ничего подобного, что могло бы способствовать интернационализации в «демократической» России, не появилось.

Реформы в Китае стали проводиться сразу после «культурной революции», когда академические и политические элиты еще не испытывали профессиональной уверенности в себе. Это резко контрастирует с Россией, где ко времени прихода к власти Горбачева университетские и академические научные круги сильно закрепились и в значительной степени сопротивлялись реформам. Путин во многом поощрял их консерватизм. Многие из ученых, выступающих за реформы, покинули страну. России не удалось достичь даже небольшого успеха Китая по возвращению своих ученых.

Одной из основных проблем также является сырьевая зависимость экономики России. Природные богатства страны побуждают предпринимателей считать неэффективным и рискованным инвестирование в высокотехнологичные предприятия, ведь гораздо большую прибыль с помощью политических связей можно извлечь за счет использования природных ресурсов. Долгосрочная проблема развития заключается в том, что данные ресурсы ограничены (даже в России), цены колеблются, и это препятствует созданию новых предприятий. Одно из решений проблемы заключается в том, чтобы сделать использование передовых технологий в секторе природных ресурсов приоритетным направлением технологического развития. Это хорошо реализовано в Чили и Перу и будет разумным выходом для России.

Многие страны, выигравшие от расширения мировой торговли с 1980-х гг., не смогли создать успешные секторы НИОКР. Почему же Китай преуспевает? Ответ связан в основном с проводимой политикой или со спецификой начальных условий: государственный контроль, преимущества отсталости, сильные позиции Китая в науках на ранней стадии своей истории и его близость к кластерам инноваций в Азии. Если успех Китая обусловлен государственной политикой, следовало бы ожидать, что государственный сектор возглавит экономику. Но этого нет. Исторические аргументы не учитывают значительных перерывов в развитии, а близость к Азии не более выгодна, чем близость к Европе.

Важнейшим элементом успеха Китая в области образования, исследований и инноваций стала готовность учиться и развивать интеграцию с глобальными образовательными и научными сообществами. Китайское академическое сообщество более охотно принимает глобальные передовые методы и проводит реформы. Успех был обусловлен сотрудничеством чиновников правительства с членами китайского академического сообщества, которые воспринимают глобализацию как ключ к развитию Китая. Успеху способствовали и китайские репатрианты, которые провели значительное время за границей и в качестве условия своего возвращения на работу в Китай настаивали на применении к ним мировых стандартов.

Китайский опыт не должен идеализироваться. Процесс был сложным и болезненным. Не все поддерживают изменения.

Коррупция остается проблемой, и давление, оказываемое при опубликовании и патентовании, поощряет злоупотребления. Некоторые требования Китая к публикациям побуждают ученых подменять качество количеством, а ежегодные квоты на первые мешают им издавать действительно важные статьи, требующие значительного времени.

Советская научно-техническая система была конкурентоспособной в военных технологиях, но при этом требовала огромных затрат. Советское наследие не побуждает российских специалистов и политиков к заимствованию иностранного опыта, а обращение Путина к национальной идее усиливает чувство исключительности. Отсюда и поиск некоего короткого пути к инновационной экономике. Государство при этом играет главную роль, своей активностью подменяя отстающее развитие в академической сфере, в сфере бизнеса и на региональном уровне. К сожалению, российскому государству по-прежнему больше хватает возможностей для подавления инициативы, чем для поощрения развития и творчества. Изменение роли государства – превращение механизма управления в механизм координации – очень важный, но и очень трудный процесс.

Россия под экономическими санкциями

Julian Cooper, professor University of Birmingham, UK
The Russian Economy: the Impact of Sanctions and Falling Oil Prices, and the Prospects for Future Growth
RUSSIAN ANALYTICAL DIGEST NO. 160, DECEMBER 2015

Сокращенный перевод с английского

Юлиан Купер, профессор Университет Бирмингема, Великобритания

Российская экономика: влияние санкций и падающих цен на нефть, перспективы будущего роста*

Наложение торговых и финансовых санкций на Россию со стороны США, Европейского союза и некоторых других стран в ответ на конфликт на Украине, а также резкое снижение цен на нефть привлекли внимание к российской экономике и к перспективам ее развития. Санкции были введены в то время, когда экономика уже испытывала страхи перед возможной стагфляцией или рецессией. В данной статье рассматриваются факторы, ответственные за возникшие проблемы в российской экономике, влияние санкций и снижения цен на нефть, а также перспективы будущего роста экономики в период значительной геополитической неопределенности.

* Данная статья может представлять для читателя интерес как одна из первых реакций западных аналитиков на введение санкций против России.

Из всех стран «большой двадцатки» Россия сильнее прочих пострадала от мирового финансово-экономического кризиса. После первоначального периода стабильного восстановления рост замедлился в 2013 г. – в то время, когда цена на нефть была относительно высокой. На российскую экономику негативно повлияли нестабильное экономическое развитие большинства стран ЕС и некоторая потеря импульса в развитии экономики Китая, который с 2010 г. является крупнейшим торговым партнером России. Но были и внутренние факторы. Как признает руководство страны, модель роста, которая обусловила впечатляющие результаты до 2008 г., больше не функционирует эффективно. Необходимы новые факторы роста. Ограничения, мешающие росту, носят структурный характер и нелегко преодолеваются без решительных действий. За последнее десятилетие наблюдается рост роли государства в экономике – и не только как владельца активов, но и как регулятора на федеральном и субфедеральном уровнях. Конкуренция слаба, и это не удивительно в экономике природных ресурсов, где доминируют крупные государственные компании с низким уровнем инноваций. По европейским меркам сектор малого бизнеса по-прежнему играет ограниченную роль в экономике и сталкивается со многими препятствиями. Человеческий капитал в целом сильный, но его рост ограничен недостаточными расходами на образование и здравоохранение. Коррупция остается серьезной проблемой, трудно отделить ее негативное влияние на рост от других факторов. Отношения между бизнесом и государством нуждаются в улучшении.

Именно на этом фоне следует рассматривать последние события и оценивать перспективы.

Во-первых, речь идет о влиянии украинского конфликта и санкций вместе с ответными мерами политического характера. Что касается действий России на Украине, то стоит отметить, что экономические проблемы, в частности последствия для бюджета и состояния внешнеэкономических связей, по-видимому, не были важным фактором в процессе принятия решений правительством. Совет безопасности является главным органом для обсуждения украинской проблематики, это консультативный орган под председательством президента. Хотя министр финансов и является его членом (кстати, в его составе нет ни министра экономического развития, ни председателя Центрального банка России), но не одним из основных постоянных, а дискуссия по Украине проводилась только на встречах постоянных членов. В США секретарь Казначейства является полноправным членом эквивалентного Совета национальной безопасности и имеет право присутствовать на всех его заседаниях. Недостаточная интеграция политики в области национальной безопасности и социально-экономического развития страны является одним из центральных вопросов.

Во-вторых, Россия должна теперь противодействовать санкциям, введенным США, ЕС и другими странами, и попытаться сделать российскую экономику менее уязвимой к внешнему давлению, включая поиск новых торговых партнеров, особенно в Азии, а также проводить меры по содействию импортозамещению. Последнее

вышло на первый план, прежде всего, в оборонной промышленности и в секторах высоких технологий в целом. Импортозамещение касается и других сфер, не в последнюю очередь энергетики с ограниченным доступом к передовым технологиям, продовольственного сектора, который обязан реагировать на ответные ограничения на импорт, введенные Россией в отношении стран, наложивших на нее санкции. Кроме того, Россия реагирует на запрет, введенный Украиной на поставки в Россию комплектующих для военной техники.

Но замена импорта на товары отечественного производства будет нелегкой и может иметь негативные последствия. Краткосрочная прибыль от производства возможна, но существует опасность того, что затраты будут расти, а качество будет снижаться. Компании ожидают государственной поддержки деятельности по импортозамещению, и общие затраты могут оказаться весьма существенными.

За годы, предшествовавшие вступлению России во Всемирную торговую организацию в 2012 г., сельскохозяйственный сектор не раз поднимал вопрос о надобности присоединения к ней. После вступления часто высказывались требования большей защиты этого сектора. Таким образом, не удивительно, что было принято решение прекратить импорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания из стран, наложивших санкции. Вероятно, это станет поводом для привлечения внимания к мерам содействия диверсификации экономики. Хотя возможен лишь некоторый краткосрочный эффект при производстве некоторых продуктов

питания. По своей природе сельскохозяйственное производство не может расти быстро, к тому же в России имеются проблемы в сфере логистики. Существуют альтернативные внешние поставщики, но налаживание новых связей требует времени и затрат. Сейчас цены на продукты питания растут, по некоторым продуктам – довольно быстро.

Продуманность этих контрсанкций была поставлена под сомнение бывшим министром финансов Алексеем Кудриным, который считает, что существуют более эффективные методы поддержки сельского хозяйства, с более низкими социальными и экономическими издержками, такие, например, как помощь в приобретении технологий и благоприятные условия кредитования. Несмотря на регулярное признание на самом высоком уровне того, что диверсификация российской экономики для снижения ее зависимости от углеводородов и добычи ресурсов в целом является одним из главных приоритетов, для этого мало, что сделано. На самом деле доля углеводородов в экспорте страны в прошедшие годы только росла. Поставки сырой нефти, нефтепродуктов и природного газа составляли чуть более половины всего экспорта по стоимости в 2000 г., в 2005 г. их доля увеличилась до 62%, в 2010 г. до 65%; в течение первых девяти месяцев 2014 г. доля выросла более чем до $\frac{2}{3}$ ¹. Экспортные пошлины и различные налоги на нефтегазовую отрасль составляют половину доходов федерального бюджета. В этих условиях российская

¹ Данные Банка России.

экономика очень сильно подвержена колебаниям мировых цен на нефть.

С нарастанием проблем в экономике все более актуальным становится вопрос о федеральном бюджете, его приоритетах и надежности финансирования. Выполнение принятых мер предосторожности под угрозой. С конца 1990-х гг. Россия имела хорошие показатели стабильности бюджета. Этому способствовало создание Стабилизационного фонда в 2004 г. В январе 2008 г. он был поделен на два – Резервный фонд, предназначенный для покрытия дефицита бюджета, который может возникнуть из-за низких цен на нефть и газ, и Фонд национального благосостояния для поддержки пенсионной системы. Кроме этого, существует так называемое «бюджетное правило», которое обеспечивает некоторую изоляцию от резких изменений цен на нефть.

Учитывая неоптимистические перспективы для экономики, не приходится удивляться спорам о коренном изменении курса и предложениям по отступлению от либерального подхода к макроэкономическому управлению, которое до сих пор преобладало в России. Аналогичные требования были высказаны во время кризиса 1998 г., но затем они были отклонены. Главным сторонником перехода к государственной стратегии мобилизации является теперь советник Путина по Евразийской экономической интеграции Сергей Глазьев. Он выступает за радикальное изменение денежно-кредитной политики, предусматривающее массовую выдачу кредитов Банком России, а также за введение директивного планирования в

государственном секторе экономики, строгий контроль над капиталом и внешнеэкономической сферой с большим уровнем протекционизма, Это, по его мнению, обеспечит рост уровня инвестиций до 40% ВВП и годовые темпы роста по 6–8%. Стоит отметить, что этот политический подход очевидно был отвергнут Путиным и его командой по экономическим вопросам.

Возможные опасности для экономических перспектив связаны, однако, со следующими тенденциями:

- ростом огосударствления;
- переходом к автаркии;
- введением мер для большего государственного вмешательства и контроля, что приведет к дальнейшему ухудшению делового климата и медленному возвращению к управляемой экономике;
- ростом спроса на государственную финансовую поддержку и защиту преимущественно государственной оборонной промышленности;
- централизованным руководством, играющим все большую роль в экономике; вынужденной переориентацией экономики от Европы к Азии, требующей огромных государственных инвестиций в случае, если сохранятся напряженные отношения с Западом.

Однако есть альтернативы. Увеличилась возможность проведения либеральных реформ и либеральной политики. Ослабленная экономика и депрессивный уровень жизни не могут не заботить

Путина в его размышлениях о наследии России после третьего президентского срока. Беспрецедентный уровень его популярности, вызванный присоединением Крыма и подтверждением статуса России как мировой державы, дает ему шанс продвигаться к большей либерализации рынка, с возможностью обвинять внешние силы в любых издержках, которые будут возникать. Несмотря на некоторое давление, либерально-ориентированные экономические агенты все еще преобладают в стране. Частный сектор, жизненно важный для любой экономической модернизации, остро нуждается в повышении доверия к бизнесу в целом. Эти условия, которые могут быть благоприятными для принятия и поддержки далеко идущих реформ. Есть окно возможностей для перемен, но произойдут ли они?

**Pami Aalto (Professor, International Relations, Ph.D.),
Tuomas Forsberg (Professor, International Relations Ph.D.)
School of Management/Politics, 33014 University of Tampere,
Tampere, Finland**

**The structuration of Russia's geo-economy under economic
sanction**

ASIA EUROPE JOURNAL 11. 2016

Перевод с английского

**Пами Аalto, профессор международных отношений,
Томас Форсберг, профессор международных
отношений,
Школа управления / политики, 33014 Университет
Тампере, Тампере, Финляндия**

Структурирование российской геоэкономики под влиянием экономических санкций

В данной статье мы рассматриваем геоэкономике России под экономическими санкциями, введенными ЕС, США и многими другими странами с весны 2014 г., включающими в себя ограничения на экономическое сотрудничество в таких областях, как торговля определенными видами технологий, используемых в энергетике, доступ к кредитам, торговля вооружением, запреты на поездки и замораживание активов. В первой части работы исследуются экономические и геополитические интересы России и когнитивные рамки, используемые российскими политиками для их взвешивания. Затем мы рассмотрим, как российские политики могут реализовывать эти интересы с учетом влияния санкций на российскую экономику. Мы проанализируем

возникшие ограничения, а также географические (ресурсные), финансовые и институциональные возможности в ракурсе геэкономике. Что касается области энергетики, то санкции серьезно препятствуют новым проектам в богатых ресурсами регионах России. Они осложняют средние и долгосрочные перспективы отрасли, в то же время некоторые россияне видят в этом новые возможности для внутренней модернизации. Низкие цены на нефть с середины 2014 г. гораздо сильнее влияют на финансовое положение энергетической отрасли, чем санкции, которые также почти не влияют на российский экспорт оружия. Однако, совокупный эффект низких цен на нефть и санкций в отношении государственного бюджета, финансового сектора и рубля достаточно велик. Что касается институционального аспекта, то страдает международное положение России, но внутренние институты страны достаточно устойчивы. В целом мы рассматриваем Россию как часть международной системы, в которой она может стать вновь самостоятельным геэкономическим актором в благоприятных условиях, т.е. в случае высоких цен на нефть и отсутствия санкций.

Введение

В формирующемся многополярном миропорядке, где власть переходит к растущим экономикам Евразии, Латинской Америки и Африки, России часто отводится роль выдающегося полюса. Россия сформировала группу БРИКС с Бразилией, Китаем, Индией и Южной Африкой и организовала первый саммит в Екатеринбурге в 2009 г. Хотя Китай является бесспорным экономическим лидером этой группы, Россия воспринимает себя как дипломатического лидера. Многие эксперты находят Россию естественной составляющей в этом свободном блоке стран с развивающейся экономикой (см.: *Hurrell, 2006, Khalid, 2014: 163-4*). Другие считают Россию скорее авторитарной страной или же традиционной великой державой с ограниченными

экономическими возможностями и нехваткой мягкой силы (Nye, 2011). Эти двусмысленности, связанные с географией, политикой и экономикой России, требуют подробного объяснения с помощью трех подходов к геоэкономике, описанных в специальном выпуске (Mattlin, Wigell, 2016).

Во-первых, Россия выделяется среди стран БРИКС как бывшая сверхдержава, защищающая внешнеполитические интересы в своем регионе. Например, она использовала свое экономическое влияние в виде кредитов, инвестиций и поставок энергии государственными компаниями, а также с помощью иных форм государственного вмешательства в торговлю стран региона (см.: Cheng, 2014: 278-282, Delcour, Wolczuk, 2013). Экономическое присутствие такого рода Россия развернула, в первую очередь, в Беларуси, Грузии и на Украине.

Во-вторых, с точки зрения экономической географии в России больше минеральных ресурсов, чем в других странах БРИКС, что означает более высокий профицит бюджета, когда цены на нефть держатся на высоком уровне (Khalid, 2014: 170-172). Тем не менее, многие эксперты считают, что перспективы экономического роста в России более ограничены, чем, например, в Китае. Это обусловлено быстрым экономическим ростом в России в период 2000–2008 гг., вызванным такими временными факторами, как высокие доходы от экспорта нефти и газа, искусственно низкие внутренние цены на энергоносители, максимизация использования рабочей силы и существующих ресурсов советской эпохи, приватизированных практически без затрат. При этом резкий рост внутренних расходов

на заработные платы подорвал конкурентоспособность России (*Sutela, 2012: 85-97*). Будущему росту России препятствуют несколько факторов, в их числе:

- социально-экономические структуры советской эпохи, сложившиеся во многих производствах;
- неравномерное географическое распределение физического и человеческого капитала;
- нехватка рабочей силы во многих холодных и отдаленных районах;
- система распределения рентных выплат, в соответствии с которой «ренту» собирает государство в форме налогов и дивидендов от прибыли энергетических компаний. Тогда как рентная плата должна исходить прежде всего из дефицита ресурсов ископаемого топлива. Дефицит создает спрос, позволяя владельцу ресурсов получать такой доход, который затем может быть перераспределен в обществе среди различных групп с разными экономическими и социальными интересами, а также между ресурсодобывающими и другими регионами (*Gaddy and Ickes, 2013*). В то же время Россия проводит политику развития, подобную политике развития Китая, что указывает на сильное участие государства в управлении экономикой (*Farrar and Ariff, 2014: 142-143*).

В-третьих, в свете того, как геэкономика формирует дискурсы и мировоззрения, России часто приписывают такие идеи и такие характеристики, как «либеральная империя», «энергетическая сверхдержава», «энергетический империализм», «энергетический

шантаж», использование «энергетического оружия» и т. д. (например, *Aalto et al.*, 2012: 11-13). Одновременно Россия обладает «мягкой силой» посредством экспорта искусства, культуры, образования и спонсирования спорта для продвижения своих значительных внешнеполитических интересов в соседних регионах и за их пределами (*Tsygankov*, 2013; *Saari*, 2014). Сегодня она демонстрирует, как геополитические и геоэкономические дискурсы воспроизводят национальную идентичность и формируют мировоззрение (*Mäkinen*, 2014).

Мы в основном концентрируемся здесь на экономической географии России и конкретно рассматриваем, как санкции, введенные ЕС, США и рядом других стран с весны 2014 г., скажутся на использовании ее ключевых ресурсов, способствующих аккумуляции экономической и политической власти. Санкции предусматривают несколько ограничений на экономическое сотрудничество в таких областях, как доступ к долгосрочному кредиту для крупных российских банков, энергетических компаний и оборонной промышленности, экспорт в Россию арктических и морских энергетических технологий и торговля оружием. Санкции также препятствуют участию России в многостороннем сотрудничестве. Сотрудничество в рамках «большой восьмерки» приостановлено, а саммиты высокого уровня ограничены, в то время как некоторым членам политической и экономической элиты заморозили иностранные активы и ввели запреты на поездки.

Вместе с падением цен на нефть экономические санкции повлияли на возможность России реализовывать свои интересы. Здесь мы более подробно рассмотрим их влияние в рамках геоэкономики. Ниже мы суммируем существующие позиции и представим нашу собственную пояснительную модель. Чтобы реализовать наш подход, мы анализируем интересы российских участников и когнитивные рамки, используемые для взвешивания этих интересов. В третьем пункте мы рассмотрим, как российские участники могут реализовать свои интересы после санкций. Наш главный аргумент состоит в том, что международные санкции формируют совокупность ограничений и возможностей в рамках геоэкономических структур, в которых мы различаем географический (ресурсный), финансовый и институциональный аспекты. Мы делаем вывод о том, что санкции препятствуют реализации интересов России в географическом (ресурсном) аспекте, в то время как в финансовых и институциональных измерениях влияние заметное, но менее последовательное.

Объяснение влияния санкций

Исследователи обычно соглашались с тем, что международные экономические санкции редко эффективны, их влияние распространяется в основном на общественное мнение и оно подвергается серьезному сомнению. Эти взгляды несколько изменились в 1980-х гг., когда в ходе всестороннего исследования было установлено, что международные санкции были успешными в трети случаев (*Hufbauer et al.*, 1985). Акцент также сместился с общих

экономических санкций к санкциям, направленным непосредственно на интересы лидеров, а не на интересы всего населения. Действительная результативность санкций зависит от заявленных или негласных целей. Цели могут различаться – санкции вводятся для достижения изменения политики, смены режима или просто ослабления противника. Тем не менее, очевидно, что с учетом общего скептицизма в отношении эффективности экономических санкций, в частности тех, которые связаны с великими державами, российская практика даст серьезные возможности для изучения экономических санкций в международной политике (*Pape, 1997; Hovi et al., 2005, Emerson, 2014*).

Первоначально российские лидеры преуменьшали влияние санкций, по крайней мере, в своих публичных заявлениях. К 2015 г. казалось, что они смирились с санкциями как с потенциальной долгосрочной проблемой. В апреле 2015 г. президент Владимир Путин заявил, что санкции «конечно, вносят свой вклад в наши сложности, но это не главное». Согласно опросу, проведенному весной 2015 г., 45% опрошенных россиян считали, что санкции оказали большое влияние на экономику страны, 41% – что эффект незначительный, и только 8% – что они не имели никакого эффекта (*Pew Research Center, 2015: 55*).

В более узких экспертных дискуссиях мнения разделились. Некоторые отмечают, что, хотя санкции и выявляют слабые места в промышленном и инновационном потенциале России в части ее зависимости от импортных технологий, они одновременно

подталкивают Россию к новому пути импортозамещения, принуждают к внутреннему обновлению и модернизации внутри страны. С этой точки зрения, санкции будут приносить долгосрочные экономические выгоды (*Karaganov, 2014: 5–7*). Более того, это «экономическое ядерное оружие» заставляет Россию отказаться от прежней зависимости от Запада, ускорить строительство новых альянсов с Китаем и другими растущими державами на евразийском континенте (*Karaganov, 2015*). Другие не видят альтернатив западным технологиям и источникам модернизации (*Yurgens, 2014: 72*). Некоторые даже предполагают, что, учитывая взаимозависимый характер мировой экономики, свертывание связей с западными державами нарушает контакты с такими новыми державами, как Китай, единственным наиболее мощным потенциальным источником альтернативных инвестиций и технологий (*Portansky, 2014: 5*). Кажется все более вероятным, что нынешний кризис приведет к постепенной депрессии в экономике (*Rogov, 2015*). Бывший министр финансов Алексей Кудрин в июне 2015 г. оценил ущерб для ВВП России от международных экономических санкций в размере 1–1,5% в год (*RFE / RL, 2015*).

Что касается оценок иностранных ученых, то первая группа аналитиков предсказывает более серьезные последствия для российской экономики (например, *Emerson, 2014, Rutland, 2014*). Некоторые отмечают, что влияние санкций зависит от того, смогут ли прежние партнеры России сохранить санкции в долгосрочной перспективе с потенциально увеличивающимися издержками (*Jones*

and Whitworth, 2014). Другие считают, что влияние санкций может оставаться ограниченным, отмечая, что российское государство очень устойчиво, потому что многие неглобализованные секторы его экономики сосуществуют с более зависимыми от экспорта секторами, такими как энергетика, и защищены российским Резервным фондом. В июне 2015 г. в распоряжении Фонда было около 76 млрд долл. США (после пикового показателя предыдущего года в размере 91 млрд долл. США), из которых российское правительство намеревалось расходовать $\frac{2}{3}$ для покрытия ожидаемого бюджетного дефицита в 2015 г. Следовательно, Россия может противостоять крупным экономическим потерям в краткосрочной и среднесрочной перспективе, в то время как элита и общество в целом могут сплотиться в поддержке контрмер президента Путина (*Gaddy and Ickes, 2014, Korsunskaya, 2015, Wang, 2015*).

Далее мы рассмотрим российских участников и их интересы, концептуализируем геоэкономические реалии, в которых они должны быть реализованы, и которые в свою очередь формируются санкциями. Это позволит нам более системно изучить влияние санкций и выйти за рамки преимущественно эмпирического анализа политики.

Пояснительная модель

Первым шагом в построении нашей пояснительной модели является определение интересов России с целью оценки ее способности реализовать их в развивающейся геоэкономической

структуре, сформированной санкциями. Можно идентифицировать сосуществование нескольких интересов и субъектов в России (см.: *Aalto et al.*, 2012). Россия является относительно централизованной федерацией, и мы предполагаем, что правительство при президенте Путине и его администрация являются верховными арбитрами интересов.

Во-первых, Россия проявляет большой интерес к вопросам обеспечения безопасности и внешнеполитического влияния. Несмотря на риторическое позиционирование России как мировой державы, отражающее ее прошлое как сверхдержавы времен «холодной войны», ее внешнеполитические интересы в последнее время все больше обращаются к непосредственному окружению страны, о чем свидетельствует присоединение Крыма к России и ее роль в последующем конфликте на Украине (*Urnov*, 2014). Все основные заинтересованные стороны российской внешней политики поддерживают консолидацию интересов в этом регионе (*Smith*, 2014: 77–79). Интерес к региональному внешнеполитическому влиянию также необходим для нашего исследования, так как его преследование первоначально вызвало международные санкции, введенные с весны и лета 2014 г. Перспектива заключения соглашения об ассоциации с ЕС, подготовленного к подписанию в ноябре 2013 г., но потерпевшая фиаско в июне 2014 г. в начале срока полномочий президента Петра Порошенко, вынудила Россию проводить более жесткую политику в отношении Украины. Серьезные политические разногласия и беспорядки на Украине с конца 2013 г. предопределили российскую

позицию. Во многочисленных российских инициативах Украина рассматривалась как важная часть евразийской реинтеграции, в которой интересы безопасности и внешней политики занимают видное место. В свою очередь, ЕС расценивал эти инициативы как несовместимые со своей собственной интеграционной моделью, закрепленной в соглашении об ассоциации, предложенной Украине (*Dragneva and Wolczuk, 2013: 213; Sakwa, 2015: 13–23*). Интерес России к региональному внешнеполитическому влиянию связан с ее исторически обусловленной властью на постсоветском пространстве и ее политическими и военными отношениями с государствами региона и их элитами. В совокупности эти особенности объясняют геополитический аспект, в котором интересы внешней политики касаются контроля над бывшими имперскими и советскими территориями (*Cheng, 2015: 279-282*). Россия институционализировала эту реинтеграцию с созданием Таможенного союза в 2010 г., Единого экономического пространства в 2012 г. и путем запуска Евразийского экономического союза в 2015 г.

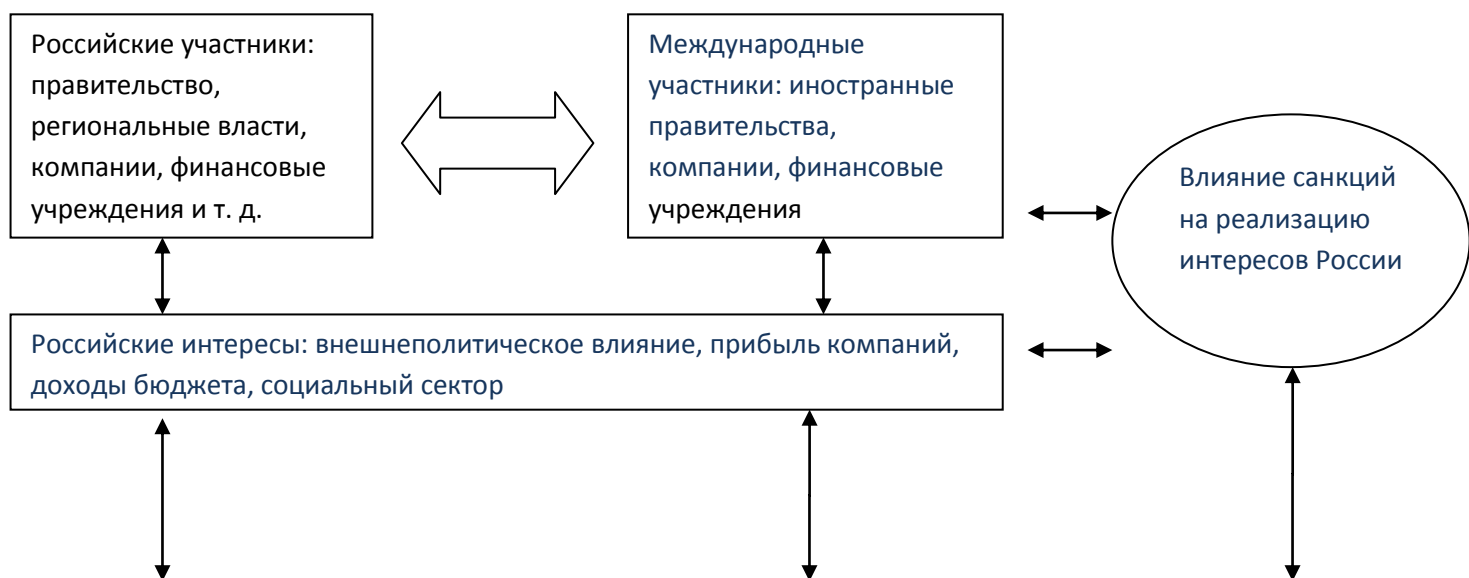
Во-вторых, российское руководство и многие российские аналитики стремятся осветить сопутствующие экономические интересы, лежащие в основе евразийской интеграции и взгляда России на Украину (*Sakwa, 2015*). Попытка восстановления экономики привела к тому, что политика президента Путина, проводимая с начала 2000-х гг., сделала энергетический сектор стратегическим инструментом государства по преобразованию экономики страны и восстановлению ее после экономического краха 1998 г. Экспорт

энергоресурсов стал основным источником дохода России. Государство установило тесные партнерские отношения со стратегически важными энергетическими компаниями. Совместная разработка стратегии и партнерские отношения между государством и бизнесом (см., например: *Dent, 2012: 563*) стимулируют экспорт энергоресурсов России, на долю которого сегодня приходится более $\frac{2}{3}$ внешней торговли государства и 40–50% от его бюджета. Анализ геоэкономики России предполагает учет прибыли энергетических компаний и фискального интереса государства, удовлетворение которого зависит от налоговых поступлений от продажи энергоресурсов. Украина остается важным государством для транзита российской нефти и природного газа на пути к основным европейским рынкам, хотя первый постепенно сдвигается к северу и юго-востоку. Более того, согласно расчетам российской и украинской академий наук, Таможенный союз и Единое экономическое пространство с участием Украины приведут к увеличению экономической активности в регионе на 15%, или от 400 до 700 млрд долл. США. На долю Украины будет приходиться почти треть благодаря многочисленным научно-промышленным связям с Россией (*Noginsky, 2015: 157*). В западной аналитике считается, что членство Украины в Таможенном союзе будет препятствовать участию украинских фирм в глобальных цепочках поставок, нарушит торговлю с ЕС и не даст Украине договориться о свободной торговле с другими странами и с ЕС. Соглашение о свободной торговле Украины с ЕС было окончательно подписано в июне 2014 г., но вступление его в силу было отложено до января 2016 г. (*Hoekman et al., 2013*).

Однако эта совокупность экономических, фискальных и социальных интересов не в полной мере объясняет политику России в отношении евразийской экономической интеграции, включая Украину, а также события, приведшие к санкциям и определившие дальнейшую ее политику. На самом деле выбор России должен зависеть от потребности государства в обеспечении баланса между региональными внешнеполитическими и экономическими аспектами, в том числе налоговыми и финансовыми интересами государства, а также социальными интересами населения страны.

Концептуализация российских интересов позволяет перейти ко второму шагу в нашей пояснительной модели. Реализация этого комплекса интересов зависит от того, как политика России реализуется в отношении ограничений и факторов, определяющих географический (ресурсный), финансовый и институциональный аспекты геоэкономики. Ресурсы, в том числе география их распределения и развития, имеют решающее значение для геоэкономики в целом и тем более для столь ресурсоемкой, географически обширной экономики России. Финансовое измерение, со своей стороны, имеет решающее значение для любых развивающихся держав, которым обычно не хватает мощного банковского сектора, который бы поддерживал инвестициями источники роста. Финансы особенно важны для развития российского сектора природных ресурсов. Институциональный аспект включает в себя совокупность формальных и неформальных правил, норм и практик, посредством которых применяются санкции и которые,

таким образом, влияют на сделки между субъектами и, в конечном счете, на внутренние и глобальные процессы (см.: *Aalto et al.*, 2012, 2014). Далее мы проанализируем эти структурные ограничения и возможности для реализации интересов России (см. рис. 1).



Структура геоэкономики под санкциями: ограничения и возможности		
Географический, ресурсный аспект	Финансовый аспект	Институциональный аспект
Зависимость российской экономики от энергоресурсов	Производственные издержки	Официальные учреждения, в том числе организации и соглашения, определяющие отношения между российскими и международными субъектами
Перемещение энергетической отрасли, особенно нефтяной промышленности, на более требовательные арктические, субарктические территории с более сложными условиями для производства и поставок энергоносителей	Баланс спроса/предложения и цены на российский экспорт оружия и энергоносителей на мировых рынках	Неформальные институты, формирующие взаимодействие между российскими и международными субъектами (дипломатия, баланс сил, геоэкономический порядок и т. д.)

Инфраструктура, включая наличие передовых технологий, оборудования, услуг для российских производителей вооружений и энергетики	Инвестиции, кредит и банковская система	Официальные институты, включая регулирование отношений между российскими федеральными и региональными субъектами
Организация российской энергетики, включая отечественную и международную экспертизу	Курсовые колебания рубля по отношению к другим основным валютам	Неформальные институты, в том числе нормы, правила и практика, формирующие взаимодействие между российскими субъектами (отношения власти, собственности, внутренняя система распределения рентных выплат)

Рис. 1. Пояснительная модель: влияние санкций на геоэкономику России

Как Россия может реализовать свои интересы в условиях санкций?

США и ЕС ввели в марте 2014 г. первый пакет санкций – замораживание активов и запрет на поездки ключевых членов политической и экономической элиты России. Эти меры соотносились с их предполагаемым участием в захвате общественных зданий в Крыму неопознанными вооруженными формированиями, которые позднее были признаны Россией регулярными частями ее вооруженных сил, и в референдуме, организованном в условиях,

приведших к вступлению Крыма в Россию. В ответ на рост напряженности и разразившуюся в конечном итоге войну между украинской армией и сепаратистскими силами на востоке Украины с предполагаемой российской военной поддержкой последних США и ЕС последовательно ужесточали санкции в апреле и июле. Новые меры затронули большее число лиц и стратегических корпораций в сфере вооружений, энергетики и финансов, а также организаций и компаний, имеющих решающее значение для присоединения Крыма или функционирования сепаратистских регионов Украины. После заявлений о том, что пассажирский самолет Малайзии, пролетавший над восточной Украиной в июле, был сбит российской установкой и неудавшегося прекращения огня на востоке Украины в сентябре США добавили в список санкций еще больше компаний, действующих в названных секторах. Санкции также закрыли доступ к долгосрочному кредиту, превышающему 30 дней или 90 дней в случае таких энергетических компаний, как «Роснефть», «Транснефть» и «Новатэк». ЕС принял аналогичные меры. В декабре США и ЕС запретили торговлю с Крымом и инвестиции в этот регион и не разрешили туристическим агентствам заниматься организацией поездок в Крым. Весной и летом к санкциям присоединились Австралия, Канада, Япония, Норвегия, Швейцария и Украина (Rutland, 2014: 1-4, Wang, 2015: 2).

Далее мы проанализируем влияние санкций на географический (ресурсный) аспект, затем перейдем к финансовому и институциональному аспектам. Для каждого из них мы сначала даем

пояснение, затем излагаем ограничения на реализацию интересов России в результате наложения санкций, а потом описываем возможные благоприятные факторы или возможности.

Географический (ресурсный) аспект

В рамках этого аспекта мы изучим структуру ограничений и возможностей для российских участников из энергетического сектора, играющих первостепенную роль в ресурсно-зависимой экономике страны. Он включает в себя энергетические ресурсы, их добычу, инфраструктуру и технологии, необходимые энергетической отрасли для организации работы. Мы обсудим структурные ограничения, возникающие в результате санкций в случае «Роснефти» и «Газпромнефти» – двух наиболее затронутых санкциями энергетических компаний, а затем проанализируем попытки России создать новые возможности в связи с возникшими реалиями.

Во-первых, следует отметить, что многие российские нефтяные компании действуют в регионах, относительно незатронутых санкциями, например, в Западной Сибири. Более того, санкции ЕС напрямую не затрагивают ранее существовавшие контракты на добычу и развитие ресурсов, в отличие от американских санкций (Farchy, 2015). Тем не менее, «Роснефть», основная добывающая нефтяная компания России, сильно пострадала. Для достижения своих производственных целей «Роснефть» использует новые технологии для поддержания уровня добычи в Западной Сибири и передовые морские и арктические технологии бурения для

разработки нескольких новых проектов в арктическом шельфе России в Баренцевом и Карском морях и в субарктических условиях в Тимано-Печорском регионе, Восточной Сибири и на Сахалине. «Роснефть» также имеет проект по сланцевой нефти в Самарской области на юге России. В то время как два новых месторождения «Роснефти» в Тимано-Печоре и на Сахалине уже работают, другие проекты по освоению новых месторождений не менее важны, в частности, в среднесрочной и долгосрочной перспективе для поддержания уровня добычи нефти в России до 2030-х гг. (Government of the Russian Federation, 2009: 66–72).

Поскольку санкции 2014 г. коснулись арктических шельфов и сланцевой нефти, партнеры по технологическому обеспечению «Роснефти» – американская компания «Еххон», итальянская «ENI» и норвежская «Statoil» – прекратили свою деятельность в этом направлении. Так, например, «Роснефть» и «Еххон» начали нефтедобычу в Карском море. «North Atlantic Drilling», «Schlumberger», «Halliburton», «Weatherford», «Baker», «Trendsetter» и «FMD» поставляли технологии и услуги для проекта (Murmanshelf News, 2014a). Однако в течение нескольких недель после старта проекта Еххон пришлось снять буровую установку, соответствующую арктическим условиям добычи. Другие западные компании также должны были уйти. Это задержит развитие месторождения, по крайней мере, до 2020 г. (Cunningham, 2015). «Роснефти» придется найти другую установку, скорее всего, из Азии, и приспособить ее к местным условиям. В ближайшее время «Роснефть» может

возобновить реализацию проектов в Карском море в летний сезон (без льда) 2016 г. (Reuters, 2015). Однако к лету 2015 г. многие из партнеров «Роснефти», такие как BP, ENI, Shell и Statoil, рассматривали вопрос о возвращении на нефтяные месторождения в России (Farchy, 2015).

Во-вторых, доля «Газпромнефти» – государственной дочерней компании Газпрома – в управлении единственной в мире арктической морской нефтяной буровой платформой Приразломное в Печорском море составляет 50%. Половину технологий для платформы производят в странах, наложивших санкции. Чтобы открыть запланированные 40 скважин платформы «Газпромнефть» будет вынуждена искать альтернативные дефицитные технологии в отечественной промышленности и за ее пределами. Санкции также ставят под угрозу поставку запасных частей для платформы (Murmanshelf News, 2014b).

В-третьих, для преодоления санкционных ограничений «Газпромнефть» получила заявки от сервисных компаний Schlumberger и Baker Hughes в ноябре и декабре 2014 г. на работу на платформе Приразломное через дочерние компании, зарегистрированные в других странах. Schlumberger стремится также приобрести 45,65% акций российской компании Eurasia Drilling. Норвежская компания North Atlantic Drilling изучает перспективы присоединения к проекту и реализацию своих шести морских буровых соглашений, заключенных с «Роснефтью» в мае 2014 г. (Staalesen, 2015). В ноябре 2014 г. «Газпромнефть» объявила о начале переговоров о вступлении PetroVietnam в разработку Дольгинского

месторождения, расположенного также в Печорском море, используя платформенную технологию, аналогичную технологии в Приразломном. Однако хотя PetroVietnam и работает в сотрудничестве с российскими компаниями в субарктическом Тимано-Печоре и на шельфе во Вьетнаме, она не имеет опыта разработки арктических проектов (Murmanshelf News, 2014b).

Российским компаниям по существу пришлось изыскивать новые возможности реализации арктических нефтяных проектов. В сентябре 2014 г. «Газпром» предложил «Роснефти» арендовать платформу «Арктическая». На протяжении 2015–2016 гг. российские компании Ижнефтемаш, ПромТехИнвест, Уралмаш тестировали импортозамещающие буровые и платформенные технологии (Kravets, 2015). Наряду с Вьетнамом и Китаем президент Путин планирует привлечь партнеров из Индии (Arctic Info, 2014). Эти меры, однако, вряд ли поспособствуют скорому преодолению технологических ограничений, сдерживающих прогресс в нефтегазовых проектах. Политика импортозамещения подразумевает очень длительный период. Такие отрасли обычно развиваются в течение многих лет. Кроме того, новые международные партнеры не имеют необходимых арктических технологий и оборудования, которые быстро могут преодолеть все возрастающие ограничения на развитие ресурсов. Однако существует огромный долгосрочный потенциал для выделения дополнительных ресурсов за счет повышения энергоэффективности в стране. Проект энергетической стратегии

России до 2035 г. направлен на снижение энергоемкости экономики страны на 50% (Energeticheskaya..., 2014:13).

Таким образом, в отношении географического (ресурсного) аспекта возникают некоторые трудности при реализации интересов нефтяных компаний, финансовых – государства, и социальных – государства и регионов. В совокупности эти ограничения серьезно ставят под сомнение среднесрочную и долгосрочную жизнеспособность сложившейся в России структуры данного сектора. Новые возможности способны возникнуть и развиваться, но это – не быстрый процесс.

Финансовый аспект

В этом пункте мы рассмотрим производственные издержки, баланс между спросом и предложением; цены на российский экспорт энергии и оружия на мировых рынках; инвестиции и кредиты, доступные для крупномасштабной инфраструктуры и других проектов развития, а также для банковской системы; колебания валютных курсов и особенно резкое обесценение российского рубля с конца 2014 г. до начала 2015 г.

1. Что касается издержек производства, то картина здесь неоднозначная. Значительная часть издержек производства российской нефтяной и оружейной промышленности, в том числе затраты на добычу природных ресурсов и прямые издержки производства, а также расходы на персонал, электроэнергию, отопление, установку и обслуживание на внутреннем рынке,

исчисляется в рублях, а данная валюта резко обесценилась с момента введения санкций (Katusa, 2014). В то же время энергетические компании, в частности, сталкиваются с ограничениями, поскольку большинство их технически сложных запасных частей, технологий и оборудования оплачиваются в иностранной валюте.

2. Спрос на российскую нефть пока не упал из-за санкций. В 2014 г. российские компании произвели рекордные 10,58 млн баррелей в сутки. Международное энергетическое агентство ожидает сокращение добычи на 1% в 2015 году (Reuters, 2015b). Некоторые эксперты считают, что санкции в конечном итоге уменьшат производство на 5–10% (Мосеев, 2014). Предполагалось, что на платформе Приразломное «Газпромнефти» производство удвоится до 300 000 т в 2014 г. (Kyrzhaly, 2015), несмотря на проблемы с запасными частями и зависимость от зарубежного технического обслуживания. Однако, объем экспорта сырой нефти снизился в течение 2014 г. на 5,6% – до 223,4 млн т. В то же время, не только из-за санкций, но и в большей степени из-за падающих цен на мировых рынках, российские нефтяные доходы снизились на 11,4% – до 153,8 млрд долл. (Oil and Gas, 2015). Сегмент нефтепродуктов, где добавленная стоимость выше, чем в сегменте сырой нефти, не имел аналогичных ограничений. Объем экспорта нефтепродуктов, таких как дизельное топливо и мазуты с низким содержанием серы, зафиксировал в 2014 г. самый высокий уровень всей постсоветской эпохи. Перспективы для этого сектора устойчивы, что подтверждается долгосрочной политикой правительства по

увеличению переработки нефти и новыми налоговыми льготами для данного сектора начиная с 2015 г. (Reuters, 2014).

Санкции не затронули спрос на российское оружие. Рособоронэкспорт ожидал, что экспорт вооружения достигнет 13 млрд долл. в 2014 г., однако фактический объем составил порядка 48 млрд долл. (Moscow Times, 2015). Это стало продолжением ежегодного 37%-го прироста продаж оружия в России в период 2010–2014 гг. по сравнению с периодом 2005–2009 гг. и сделало Россию вторым экспортером оружия в мире. Россия поставила оружие в 56 стран. Крупнейшими заказчиками санкции введены не были. Индия получила 39% российского экспорта вооружений, Китай – 11%, Алжир – 8% (SIPRI, 2015). Несмотря на то, что экспорт оружия не фигурирует в официальной статистике торговли, он представляет собой самый крупный неэнергетический источник дохода, составляющий примерно 3% от общего объема экспорта России и превышающий объем поставок алюминия, пшеницы, золота, алмазов и других товарных позиций (см.: ОЕС, 2015). К структурным особенностям, способствующим такому развитию, относятся: возникающая глобальная революционная тенденция; гонка вооружений в Азии; политические решения, принятые в целях модернизации российских вооруженных сил и, следовательно, поощрение инвестиций для повышения объема производства и качественного уровня российской военной промышленности. В то же время санкции препятствовали военной реформе России, поскольку импорт оружия из стран, вводящих санкции, был заблокирован.

3. Что касается инвестиций и кредитования, то введенные в сентябре 2014 г. санкции фактически перекрыли доступ к долгосрочному кредиту, превышающему 30 дней для крупных российских нефтяных компаний, а также для компаний в области вооружения (*Rutland, 2014:3*). Российским компаниям приходится рефинансировать около 150 млрд долларов долга в 2015 г. (*ibid*). Из этой суммы у «Роснефти» осталось 42 млрд долл. долга после приобретения ТНК-ВР в 2013 г. за 55 млрд долл. Три крупнейших российских банка – Сбербанк, Газпромбанк и ВТБ – должны рефинансировать 75 млрд долл. (*Emerson, 2014:3*). В декабре 2014 г. Россия объявила о программе рекапитализации в размере 15 млрд долл. США, охватывающей 27 банков, пострадавших от низких цен на нефть, санкций и падающего рубля, в целях увеличения объема кредитования ими компаний реального сектора экономики (*Reuters, 2015c*). В январе 2015 г. кредитное рейтинговое агентство Moody's понизило рейтинг Сбербанка на один разряд наряду с Внешэкономбанком и Агентством по ипотечному жилищному кредитованию (*Rapoza, 2015*). По состоянию на март 2015 г. замороженные в США активы Банка России составили 572 млн долл. США, или десятую часть всех его активов 2013 г. (*Shishkin, 2015*).

Санкции не только сократили по большей части возможности кредитования российских компаний, но и подорвали способность российского банковского сектора преодолеть возникающий дефицит финансирования.

4. Что касается колебаний валютных курсов в феврале 2015 г., то следует иметь в виду, что Правительству России пришлось использовать Фонд национального благосостояния для поддержки рубля. В течение 2014 года Центральный банк России потратил в 76 млрд долл. и 5,4 млрд евро на покупку рублей на иностранных биржах.

В течение 2014 г. рубль упал на 41% по отношению к доллару и на 34% по отношению к евро. Однако последствия этих колебаний не являются исключительно отрицательными для нефтяной и оружейной промышленности, поскольку первая, в частности, продает свою продукцию за доллары, которые выросли в цене за тот же период, в то время как значительную часть издержек производства несет, как уже отмечалось, в рублях (*Katusa, 2014*). В целом по финансовому аспекту мы находим дополнительные ограничения, связанные с наложением санкций на нефтяную промышленность России. Структурные ограничения, не связанные с санкциями и напрямую Россией неконтролируемые, такие как падающие цены на мировых нефтяных рынках с середины 2014 г. до начала 2015 г., также не способствовали реализации интересов российских компаний. В краткосрочной перспективе условия торговли нефтью продолжат незначительно ухудшаться, частично вследствие краткосрочного финансирования и укрепления курса доллара по отношению к рублю. Санкции также серьезно оспаривали жизнеспособность банковского сектора России, но практически не повлияли на торговлю и промышленность страны. Ситуация, таким образом, довольно

неоднозначная по данному аспекту, хотя трудно выявить новые возможности, вытекающие из санкций.

Институциональный аспект

В этом аспекте мы рассматриваем влияние санкций на формальные институты, включая организации и соглашения, определяющие отношения между российскими и международными участниками и связанные с ними неформальные институты, включая нормы права и дипломатическую практику, а также баланс сил. В конечном счете речь идет о геэкономическом порядке, в котором Россия продвигает свою безопасность и внешнеполитические интересы, а также экономические интересы в рамках бизнеса. На внутреннем уровне мы рассмотрим влияние на регулирование отношений между российскими федеральными и региональными формальными институтами, а также между связанными с ними неформальными институтами, такими как власть и собственность, которые в конечном счете обуславливают российскую систему распределения ренты.

Во-первых, что касается официальных и неформальных институтов на глобальном уровне, то международное положение России как экономической силы явно пострадало в результате санкций. Роль России в западных экономических институтах всегда была ограничена, но теперь она стала еще меньше. В марте 2014 г. ведущие западные государства и Япония исключили Россию из группы G8. В апреле страны «большой семерки» встретились без

России, заявив, что ее политика на Украине не согласуется с общими убеждениями и обязанностями группы (*Borger and Watt, 2014*). Путин участвовал в саммите G20 в ноябре 2014 г. в Брисбене, но подвергся общественному ostracism и публичной критике, а затем преждевременно уехал. Россия остается членом Всемирной торговой организации (ВТО). Путин пытался обратиться в ВТО с вопросом о западных санкциях, нарушающих принципы организации, но ВТО оставалась нейтральной. ЕС и отдельные государства-члены заморозили партнерские отношения по модернизации, заключенные с Россией, начиная с 2008 г. Общая повестка дня модернизации была фактически обречена в результате украинского кризиса. Это партнерство с Западом включает в себя ряд проектов, направленных на поддержку экономической модернизации и административной реформы в России. Оценки эффективности партнерских отношений разнятся, но как символ они представляют идею дальнейшей интеграции России в более широкое европейское экономическое пространство. Потенциал партнерства в области модернизации в свое время в значительной степени зависел от желания России разрабатывать и осуществлять различные программы, но сегодня он также требует политической воли Европейского союза и его государств-членов (*David and Romanova, 2015: 10*).

Санкции также повредили многоуровневым институтам энергетического диалога между ЕС и Россией. Чтобы компенсировать эти возникшие ограничения, Россия активизировала экономическое сотрудничество с Китаем. В мае 2014 г. «Газпром» и китайская «CNPC»

подписали соглашение о поставках в Китай до 38 млрд кубометров природного газа в год на срок более 30 лет. «Газпром» также инициировал строительство газопровода «Сила Сибири» в Китай, в то же время две стороны возродили проект трубопровода «Алтай» из Западной Сибири в западные районы Китая. Россия также активно участвовала в форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Пекине и приняла решение присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (АИВ), инициированному Китаем (Kuchma, 2015). Группа из 5 стран БРИКС оставалась краеугольным камнем политики России в ее попытках выработать альтернативы западным мировым экономическим институтам. В преддверии своего председательства в БРИКС в 2015 г. Россия выступала за формирование регионального банка развития и пула валютных резервов (Sputnik News, 2015).

В сфере региональной безопасности и внешнеполитических интересов Россия начала реализацию Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 г. с Арменией, Беларусью и Казахстаном. Кыргызстан взял на себя обязательство вступить в мае 2015 г., в то время как Таджикистан рассматривал возможности вступления. Однако Украина возражала против вступления в ЕАЭС, а другие страны бывшего СССР стали относиться к союзу с подозрением из-за украинского кризиса. Союз вряд ли создаст мощный и привлекательный центр экономического развития, на который изначально рассчитывало российское правительство. По крайней мере, в среднесрочной перспективе собственные ресурсы России на

развитие ЕАЭС ограничены, в то время как российская экономика доминирует в этом институте. Например, когда Евразийская экономическая комиссия начала свою работу в 2012 г., доля России в бюджетном финансировании достигла 88% (Glazyev, 2015:93).

Во-вторых, санкции повлияли на внутренние институты в России. Широкомасштабная экономическая политика правительства в области развития усиливалась непреднамеренно, поскольку компании в энергетическом и финансовом секторах прибегали к кредитам, предоставляемым государством. Некоторые частные компании могут оказаться в государственной собственности. Однако санкции не угрожали популярности Путина или правительства. Бизнес-элита в интересах поддержания своего бизнеса осталась верной Кремлю (Rutland, 2014). Тем не менее, проблемы, связанные с объединением различных участников, были неизбежны. Особенно уязвимы были те регионы, бюджеты которых стали сводиться с большим, чем прежде, дефицитом, после того как аллокативные возможности государства сократились уже при реструктуризации системы перераспределения ренты. Напряженность между регионами и федеральным правительством может потенциально возрасти, поскольку вследствие присоединения Крыма ресурсы, направляемые туда и в другие стратегически важные области, отвлекаются в ущерб потребностям большинства прочих регионов. Попытка российского правительства контролировать жизненно важные секторы, особенно энергетику, привела к тому, что бизнес-климат стал враждебен для иностранных,

особенно западных, субъектов, будь то компании или даже лица, работающие в российских фирмах.

В целом, санкции нарушают возможности России в части реализации своих интересов в институциональном аспекте. Хотя позиция России не была сильной в западных глобальных экономических институтах, ее исключение и дальнейшая маргинализация подорвали статус страны в глобальной геоэкономике. Альтернативная институциональная система, основанная на БРИКС, стала для России более перспективной, чем прежде, но в краткосрочном и среднесрочном плане значимость структур, возглавляемых Западом, трудно оспаривать. В то же время одновременно возрастает зависимость России от Китая. Внутренняя институциональная структура также предрасполагает к дальнейшим ее изменениям. Одним из непредвиденных последствий санкций является поиск Россией альтернативных механизмов на внутреннем и международном уровнях, поскольку экономическая взаимосвязанность с Европой и США начинает рассматриваться как дипломатически слабое место (*Jones and Whitworth, 2014*).

Заключение

В ответ на поставленный в исследовании вопрос о том, как санкции влияют на геоэкономику России, можем заключить, что общая способность страны реализовывать свои интересы была нарушена, хотя влияние санкций неравномерно по трем измерениям геоэкономики, проанализированным в данной статье.

Что касается географического (ресурсного) аспекта, то санкции выявляют долгосрочную уязвимость бизнес-структуры, которая, как нам показалось, является самым главным инструментом для принятия решений в области управления, используемым в России. Санкции препятствуют реализации взаимосвязанных интересов: бизнес-, фискальных и социальных в силу значительного замедления освоения российских арктических, морских и других труднодоступных нефтяных ресурсов. Без санкций эти проекты станут отправной точкой для модернизации нефтяной промышленности, обеспечат высокие уровни добычи нефти в России в 2030-х гг. с приемлемыми ценами, увеличат поступления в государственный бюджет и будут служить интересам социального развития в России в целом и в ресурсодобывающих регионах в частности.

Что касается финансового аспекта, нужно отметить, что падение цен на нефть до значений около 50–60 долл. за баррель во второй половине 2014 г., а вместе с ним и снижение цен на природный газ, предопределило развитие геоэкономики России и значительно повредило реализации ее интересов. В долгосрочной перспективе опыт санкций, вероятно, приведет к переориентации многих нынешних европейских клиентов Газпрома с трубопроводного природного на сжиженный газ и другие источники энергии. Это связано с тем, что российско-украинский конфликт еще раз выявил уязвимость транзита природного газа Газпрома через Украину. В свою очередь российский экспорт вооружений остается на прежнем уровне.

Что касается институционального аспекта, то существует серьезная угроза отказа от позиционирования России в качестве экономической державы в глобальных институтах. Новые возможности, которые Россия стремится открыть и использовать в рамках сотрудничества с Китаем и ЕАЭС, вряд ли компенсируют потери. Внутренняя институциональная структура России, включая систему распределения ренты, дестабилизируется, по крайней мере, временно, хотя неэнергетические секторы российской экономики и отношения между государством и обществом остаются весьма устойчивыми к внешнему влиянию. В краткосрочной перспективе рост цен на нефть может оживить систему распределения ренты. В долгосрочной перспективе России необходимо вернуться к международному сотрудничеству для обеспечения динамики развития.

В конечном итоге мы считаем экономическую геополитику России восприимчивой к структурным изменениям глобальной геоэкономики, многие из которых стали менее благоприятными для России из-за санкций и падения цен на нефть. В краткосрочной перспективе Россия по-прежнему сможет осуществлять государственное управление внутри страны. В долгосрочной – может стать самостоятельным геоэкономическим актором, если будут преобладать, главным образом, благоприятные структурные условия. Однако, как указывалось, геоэкономические структуры не находятся под непосредственным контролем России.

Библиография

Aalto P., Dusseault D., Kivinen M., Kennedy M.D. (2012). How are Russian energy policies formulated? Linking actors and structures of energy policy. In: Aalto P (ed) *Russia's energy policies: national, interregional and global Levels*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 20–44

Aalto P., Dusseault D., Kennedy M.D., Kivinen M. (2014). Russia's energy relations in the East and West: towards a social structurationist approach to energy policy formation. *J Int Relat Dev* 17(1):1–29. doi:10. 1057/jird.2012.29

Arctic Info (2014). Putin: India will participate in Russia Arctic shelf development. 11 December. <http://www.arctic-info.com/news/11-12-2014/putin-india-will-participate-in-russian-arctic-shelf-development>.

Accessed 4 Apr 2015

Borger J., Watt N. (2014). G7 countries snub Putin and refuse to attend planned G8 summit in Russia. *The Guardian*

Cheng A. (2014). The Eurasian moment in global politics: a comparative analysis of great power strategies for regional integration. In: Dutkiewicz P, Sakwa R (eds) *Eurasian integration – the view from within*. Routledge, Abingdon, pp 297–289

Cheng Y. (2015). The Eurasian moment in global politics: a comparative analysis of great power strategies for regional integration. In: Dutkiewicz P, Sakwa R (eds) *Eurasian integration—the view from within*. Routledge, London, pp 274–289

Cunningham N. (2015). Arctic oil on life support. 1 February.
<http://oilprice.com/Energy/Crude-Oil/Arctic-OilOn-Life-Support.html>.
Accessed 4 Apr 2015

David M., Romanova T. (2015). Modernisation in EU-Russia relations: past, present and future. *Eur Polit Soc* 16(1):1–10

Delcour L., Wolczuk K. (2013). Eurasian economic integration: implications for the EU eastern policy. In: *Dragneva R, Wolczuk K (eds) Eurasian economic integration: law, policy and politics*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 179–203

Dent C.M. (2012). Renewable energy and east Asia's new developmentalism: towards a low-carbon future? *Pacific Review* 25(5):561–587

Dragneva R., Wolczuk K. (2013). Commitment, asymmetry and flexibility: making sense of Eurasian economic integration. In: *DragnevaR, Wolczuk K (eds) Eurasian economic integration: law, policy and politics*. Edward Elgar, Cheltenham, pp 204–221 P. Aalto, T. Forsberg

Emerson M. (2014). The EU-Ukraine-Russia sanctions triangle. CEPS Commentary

‘Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2035 goda (osnovnye polozheniya)’ (2014) <http://minenergo.gov.ru/documents/razrabotka/17481.html>. Accessed 20 Oct 2014

Farchy J. (2015). EU's Russia sanctions fail to dent oil deals. *Financial Times*. 14 June. <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/21d66e58-10ef-11e5-8413-00144feabdc0.html#axzz3e44EsMfd>. Accessed 25 June 2015

Farrar J., Arif M. (2014). The BRICS: experiments with state capitalism and institutional investment. In: Lo VI, Hiscock M (eds) *The rise of the BRICS in the global political economy: changing paradigms?* Edward Elgar, Cheltenham, pp 142–161

Gaddy C.G., Ickes B.W. (2013). *Bear traps on Russia's road to modernisation*. Routledge, Abingdon

Gaddy C.G., Ickes B.W. (2014). Can sanctions stop Putin? Brookings Institution, 3 June. <http://www.brookings.edu/research/articles/2014/06/03-can-sanctions-stop-putin-gaddy-ickes>. Accessed 4 Apr 2015

Glazyev S (2015) Russia and Eurasian integration. In: Dutkiewicz P, Sakwa R (eds) *Eurasian integration—the view from within*. Routledge, London, pp 84–96

Government of the Russian Federation (2009). *Energy strategy of Russia for the period up to 2030*, 1715-g, *Energeticheskaya Politika* 2010

Hoekman B., Jensen J., Tarr D. (2013). Ukraine's trade policy: addressing supply-chain frictions. CEPR Policy Portal. 29 November. <http://www.voxeu.org/article/ukraine-s-trade-policy>. Accessed 5 June 2015

Hovi J., Huseby R., Sprinz D. (2005). When do (imposed) economic sanctions work? *World Polit* 57(4):479–499

Hufbauer G., Schott J., Elliott K. (1985). Economic sanctions reconsidered: history and current policy. Institute of International Economics, Washington DC

Hume N., Sheppard D. (2015). Trafigura becomes major exporter of Russian oil. Financial Times. 17 May. <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/93a4a466-048b-11e5-95ad-00144feabdc0.html#axzz3cBSj7FKf>. Accessed 5 June 2015

Hurrell A. (2006). Hegemony, liberalism and global order: what space for would-be great powers? *Int Aff* 82(1):1–19

Jones E., Whitworth A. (2014). The unintended consequences of European sanctions on Russia. *Survival* 56(5): 21–30

Karaganov S. (2014). The watershed year: interim results. *Russia in Global Affairs* 4/2014. <http://eng.globalaffairs.ru/number/The-Watershed-Year-Interim-Results-17210>. Accessed 4 Apr 2015

Karaganov S (2015) Venskii kontsert XXI veka. *Rossiiskaya Gazeta*. 2 June. <http://www.rg.ru/2015/06/03/karaganov.html>. Accessed 30 June 2015

Katusa M. (2014). Why Russia will halt the rouble's slide and keep pumping oil. *Fortune*. 18 December. <http://fortune.com/2014/12/18/why-russia-will-halt-the-roubles-slide-and-keep-pumping-oil/>. Accessed 4 Apr 2014

Khalid A. (2014). The power of BRICS in world trade and growth, analysing the macroeconomic impacts within and across the bloc. In: Lo VI, Hiscock M (eds) *The rise of the BRICS in the global political economy: changing paradigms?* Edward Elgar, Cheltenham, pp 162–90

Korsunskaya D. (2015). Russia to tap \$50 billion from reserve fund as deficit balloons. Reuters. 27 February. <http://www.dailymail.co.uk/wires/reuters/article-2971894/Russia-tap-50-billion-Reserve-Fund-deficitballoons.html>. Accessed 4 Apr 2015

Kramer A. (2014). The Brussification[^] of oil exploration. New York Times

Kravets V. (2015). RPI: offshore field development in Russia: are the sanctions an opportunity for Russian companies to fill the void? <http://rogtecmagazine.com/rpi-offshore-field-development-in-russia-are-the-sanctions-an-opportunity-for-russian-companies-to-fill-the-void/>.

Accessed 4 June 2015

Kuchma A. (2015). Russia to join China-led Asian Infrastructure Investment Bank. Russia Beyond the Headlines. 1 April. http://rbth.co.uk/business/2015/04/01/russia_to_join_china-led_asian_infrastructure_investment_bank_44901.html. Accessed 31 Mar 2015

Kyrzhaly S. (2015). In 2015, Gazpromneft to double production at Prirazlomnoye field. Oil, Gas and Metal Mining News. 15 January. <http://www.rusmininfo.com/news/15-01-2015/2015-gazpromneft-doubleproduction-prirazlomnoye-field>. Accessed 4 Apr 2015

Mäkinen S. (2014). Geopolitics teaching and worldviews—making the future generation in Russia. *Geopolitics* 19(1):86–108

Mattlin M., Wigell M. (2016). In search of the elusive meanings of geoeconomics. *Asia Europe Journal*, this issue

Moscow Times (2015). Russian arms exports hit \$13 billion – Rosoboronexport. 17 March. <http://www.themoscowtimes.com/business/article/russian-arms-exports-hit-13-billion-in-2014-rosoboronexport/517554.html>. Accessed 4 Apr 2015

Moseev I. (2014). What's there in stock to substitute imported goods? *Sozvezdye Rev* 21:4–9

Murmanshelf News (2014a). BPrirazlomnaya^ goes Russian. 22 September. <http://en.murmanshelf.ru/news/detail.php?ID=4879>. Accessed 4 Apr 2014

Murmanshelf News (2014b). International cooperation on the Arctic shelf. 27 November. <http://en.murmanshelf.ru/news/detail.php?ID=4900>. Accessed 4 Apr 2015

Natural Gas Europe (2014). Itar-Tass: Russia's Gazprom ready to help oil giant Rosneft with Arctic drilling. 7 October. <http://www.naturalgaseurope.com/gazprom-rosneft-arctic-drilling>. Accessed 15 Mar 2015

Noginsky O. (2015). Ukraine: between Eurasia and Europe. In: Dutkiewicz P., Sakwa R. (eds) *Eurasian integration—the view from within*. Routledge, London, pp 150–160

Nye J. (2011). *The future of power*. Public Affairs, New York

OEC – Observatory of Economic Complexity (2015) Russia. <http://atlas.media.mit.edu/en/profile/country/rus/>. Accessed 4 Apr 2015

Official Journal of the European Union (2014) 57, L271

Oil and Gas 360 (2015). Rosneft CEO blames OPEC, decline expected for Russian exports. 12 February. [http:// www.oilandgas360.com/rosneft-ceo-blames-opec-prices-decline-expected-russian-exports/](http://www.oilandgas360.com/rosneft-ceo-blames-opec-prices-decline-expected-russian-exports/). Accessed 4 Apr 2014

Pape R. (1997). Why economic sanctions do not work. *Int Secur* 22(2):90–136

Pew Research Center (2015). NATO publics blame Russia for Ukrainian crisis, but reluctant to provide military aid. June. <http://www.pewglobal.org/2015/06/10/nato-publics-blame-russia-for-ukrainian-crisis-butreluctant-to-provide-military-aid/>. Accessed 20 June 2015

Portansky A. (2014). Sanctions pushing to decline? A new reality for the Russian economy. *Russia in Global Affairs* 3/2014. <http://eng.globalaffairs.ru/number/Sanctions-Pushing-to-Decline-16992>. Accessed 4 Apr 2015

Putin V. (2015). Direct line with Vladimir Putin. 16 April. <http://en.kremlin.ru/events/president/news/49261> Accessed 20 Apr 2015

Rapoza K. (2015). Sanctioned Russian bank now hit with Moody's downgrade. 19 January. <http://www.forbes.com/sites/kenrapoza/2015/01/19/sanctioned-russian-bank-now-hit-with-moodys-downgrade/>. Accessed 4 Apr 2014

Reuters (2014). Russian oil use to sink, exports rise on sanctions, tax revamp. 9 December. <http://www.reuters.com/article/2014/12/09/russia-oil-exports-idUSL6N0TS1XV20141209>. Accessed 4 Apr 2014

Reuters (2015a). Exclusive: Russia's Rosneft will resume drilling in Kara Sea in 2015 – sources. 30 January. <http://www.reuters.com/article/>

[2015/01/30/us-russia-crisis-rosneft-arctic-idUSKBN0L31D120150130](http://www.reuters.com/article/2015/01/30/us-russia-crisis-rosneft-arctic-idUSKBN0L31D120150130).

[Accessed 4 Apr 2015](#)

Reuters (2015b). Russian oil output hits post-Soviet high, small firms help. 2 January. <http://www.reuters.com/article/2015/01/02/us-russia-energy-production-idUSKBN0KB0GL20150102>. Accessed 4 Apr 2015

Reuters (2015c). Russia details banks recapitalisation scheme. 23 January. <http://www.reuters.com/article/2015/01/23/us-russia-crisis-banks-recapitalisation-idUSKBN0KW29720150123>. Accessed 4 Apr 2015

RFE/RL (2015). Ex-Finance minister says Russia in 'full-blown' crisis. 3 June. <http://www.rferl.org/content/russia-finance-minister-economy-free-blown-crisis/27051877.html>. Accessed 10 June 2015

Rogov K. (2015). Can BPutinomics[^] survive? Policy Memo no. 134. European Council on Foreign Relations, London

Rutland P. (2014). The impact of sanctions on Russia. Russian Analytical Digest 157

Saari S. (2014). Russia's post-orange revolution strategies to increase its influence in Former Soviet republics: public diplomacy po russkii. *Eur-Asia Stud* 66(1):50–66

Sakwa R. (2015). Challenges of Eurasian integration. In: Dutkiewicz P., Sakwa R. (eds) *Eurasian integration— the view from within*. Routledge, London, pp 12–30

Shishkin P. (2015). U.S. sanctions over Ukraine hit two Russian banks hardest. *Wall Street Journal*. 5 March. <http://www.wsj.com/articles/u-s->

[sanctions-over-ukraine-hit-two-russian-banks-hardest-1425597150.](#)

[Accessed 4 Apr 2015](#)

SIPRI (2015). Trends in international arms transfers, 2014. SIPRI Fact Sheet

Smith H. (2014). Russian greatpowerness: foreign policy, the two Chechen wars and international organisations. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences, Helsinki Sputnik News (2015) BRICS Development Bank to function by end of 2015 - Russian Official.

Sputnik News. 17 February. <http://sputniknews.com/business/20150217/1018382086.html>. Accessed 31 Mar 2015

Staalesen A. (2015). American oilmen at Prirazlomnaya. BarentsObserver. 18 February. <http://barentsobserver.com/en/energy/2015/02/american-oilmen-prirazlomnaya-18-02>. Accessed 4 Apr 2015

Sutela P. (2012). The political economy of Putin's Russia. Routledge, London P. Aalto, T. Forsberg

Tsygankov A. (2013). Moscow's soft power strategy. Current History, October, pp 259–264

Urnov M. (2014). 'Greatpowerness' as the key element of Russian self-consciousness under erosion. Communist Postcommunist Stud 47(3–4):305–322

Wang W. (2015). Impact of western sanctions on Russia in the Ukraine crisis. J Polit Law 8(2):1–6

Yurgens I. (2014). A positive stalemate for Ukraine. Survival 57(1):71–77

Alexander Libman

Professor für Sozialwissenschaftliche Osteuropastudien an der Ludwig-Maximilians-Universität München.

Источник: Wirtschaftsdienst 2018 | 4

Перевод с немецкого

Александр Либман

Профессор социологических восточноевропейских исследований Мюнхенского университета Людвиг-Максимилиана

Стагнирующие российско-германские экономические отношения

В 2017 г. в германо-российской торговле впервые с 2012 г. отмечались позитивные тенденции. По данным Федерального статистического ведомства экспорт Германии в Россию вырос на 20,2%, а импорт из России в Германию увеличился на 18,7%. Тем самым Германия стала вторым по значимости партнером России после Китая; при этом около 40% стоимостного объема российской внешней торговли приходится на ЕС. Россия по объему внешнеторгового оборота занимала в 2017 г. 13-е место среди партнеров Германии; за исключением стран ЕС лишь США, Китай и Швейцария достигли большего объема товарооборота, чем Россия. Но можно ли из этого заключить, что тяжелая фаза германо-российских экономических

отношений миновала и что можно опять надеяться на продолжительный рост?

Основания для спада в последние годы в германо-российских экономических отношениях представляются очевидными: политический кризис и санкции. Уже введенные санкции ЕС нацелены на относительно небольшое число предприятий и секторов российской экономики. Большая часть немецких предприятий, ведущих дела с Россией, ими непосредственно не затронута. Но санкции влекут за собой также и косвенные эффекты, которые отчасти имеют серьезные последствия. С одной стороны, в первые годы после введения санкций никогда не было ясно, как точно они могут быть реализованы и как их следует юридически интерпретировать. Требуется время для выработки правовой практики. И пока этого не произошло, предприятия ведут себя скорее осторожно. Эта проблема особенно сказывалась на поведении немецких фирм в 2014–2015 гг.; в настоящее время она кажется менее значимой. С другой стороны, никогда нельзя быть уверенным в том, что в будущем не дойдет дело до расширения режима санкций, тем более что политическое положение – с учетом роли России в конфликтах на Украине и в Сирии – остается напряженным. Возникающие с введением санкций негативные эффекты неуверенности по своему весу больше, чем собственно цена санкций как таковых.

Санкции – не единственная и, возможно, даже не главная причина спада в германо-российских экономических отношениях. Другая причина – это фундаментальные проблемы самой российской

экономики, обусловленные внутренними факторами. Неслучайно немецкий экспорт в Россию снижался, начиная еще с 2012 г. 2017 год представляет собой исключение, притом что объем годового товарооборота и после относительного прироста по сравнению с предыдущим годом остается существенно ниже уровня 2012 г. «Кристаллизация» негативных тенденций началась задолго до начала политического кризиса 2014 г. Долгосрочная реальность российской экономики сегодня такова: если не принимать во внимание спорадические колебания, российская экономика находится в стагнации. Хотя и возможны кратковременные улучшения на основе конъюнктурных колебаний, связанных, например, с изменениями нефтяных цен, как это было как раз в 2017 г., в долгосрочном плане ухудшившаяся в целом экономическая ситуация «выравнивает» их: на протяжении нескольких лет показатель экономического роста находится на нулевой отметке. Стагнирующие рынки не привлекают на длительную перспективу торговых и инвестиционных партнеров из-за рубежа. Соответственно в отдельные годы, как например, в 2017 г., когда наблюдалось временное улучшение состояния российской экономики, торговля может возрастать, но это не длительный постоянный рост.

Но почему стагнирует российская экономика? Главные причины – институциональные: недостаточная правовая защищенность, высокий уровень коррупции, непредсказуемость политики и неэффективность бюрократии образуют плохую основу для долгосрочных инвестиций, имеющих существенное значение для

экономического роста. Для изменения ситуации требуются глубокие реформы, в частности, в правовой сфере и в сфере государственного управления. Эти реформы дискутируются в России на протяжении уже более десяти лет, время от времени предпринимаются инициативные шаги по реформированию, но дело, однако, всегда кончается фальстартом. Проблема в том, что эффективные реформы означают сокращение возможностей извлечения ренты («Rent-Seeking») для власти имущих. Они сужают также возможности для политически мотивированных вмешательств в экономические процессы. Таким образом, экономические реформы в России становятся политической проблемой, которая вряд ли может быть решена в сложившейся на настоящий день ситуации. Для иностранных компаний (прежде всего, имеющих опыт работы на российских рынках) проблема недостаточной правовой защищенности, возможно, менее значима, чем для собственно российских предприятий: российское государство, за небольшими исключениями, воздерживается от нападков на иностранных инвесторов. Однако иностранцы страдают от того, что у российских компаний, подверженных рискам в полной мере, дела идут хуже, и экономика, соответственно, не растет. К этому добавляются протекционистские «ходы» российской экономической политики, которые в последние годы становятся более чем отчетливыми. Политика импортозамещения и локализации производства, за немногими исключениями (как например, в аграрном секторе, который выигрывает от российского торгового эмбарго на европейский и американский продовольственный импорт),

проводится не столь последовательно, как утверждает российское руководство. Однако и те меры, что уже приняты, ведут к непосильным для иностранных компаний издержкам. Но самое главное в этих обстоятельствах – вновь та же неопределенность: никто не знает, насколько могут быть расширены в будущем протекционистские меры – вследствие политических кризисов или влияния заинтересованных российских лоббистов они могут быть непредсказуемо изменены.

Все это означает, что в долгосрочной перспективе нет оснований надеяться на улучшение российско-германских экономических отношений. Даже изменения к лучшему политической ситуации не будут способствовать решению внутренних институциональных проблем российской экономики. Но и улучшение такого рода сегодня кажется невероятным: российская внешняя политика остается непредсказуемой и конфронтативной. В 2017 г. к уже существующим добавились новые факторы риска. Американский Закон о санкциях делает ограничения, которые США, подобно ЕС, ввели в 2014 г., составной частью законодательства, что де-факто означает их снятие очень маловероятным даже в случае позитивного сценария. Но еще более важно то, что Закон повышает риск применения санкций и к тем зарубежным предприятиям, которые ведут дела с российскими контрагентами, находящимися под санкциями. Хотя эта опция может и не использоваться, но один тот факт, что она существует, не действует ободряюще на компании. Такое пессимистическое видение не означает, что нам в обозримой перспективе придется столкнуться с

драматическим падением германо-российской торговли или инвестиций. Это может случиться лишь в случае фундаментального кризиса российской экономики, а признаков этого нет. И стагнирующая экономика позволяет предприятиям (особенно имеющим опыт в российско-германском бизнесе, что относится ко многим немецким фирмам) извлекать стабильную прибыль. Таким образом, сохранение уровня германо-российских экономических отношений обеспечено, но, очевидно, не может быть речи о продолжительном росте.